

Р А Д У Г А,

Ж У Р Н А Л Ъ

ФИЛОСОФИИ, ПЕДАГОГИИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

съ

присовокупленіемъ

ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ.
ЗАПИСОКЪ,

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Книжка четвертая,

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ типографіи наследниковъ Липпоерса.

Р А Д У Г А.

Ч Т О И З Я Щ Н О Е ?

Дума.

Что Изящное? гдѣ Изящное? жаждешь, алчешь мой духъ недоумѣвающий. Что Изящное? Гдѣ уполишь онъ жажду, не умъ, а и сердце и весь сославъ его помящую? —

Проникалъ онъ въ сонмъ Олимпа твоего, Эллада пышнелица! Громовержецъ Державный, Зевесъ! твоею молнію въ источникъ постигъ онъ, осязалъ ее, дышалъ пламенемъ ея, пылалъ ею въ груди своей! — Припикалъ онъ, Марсъ, мыслию жадной къ груди твоей, лился кровью огненною въ бѣненіи сердца твоего, окоспентввалъ напрягаясь въ желѣзныхъ мышцахъ твоихъ! Но не вы Изящное! —

Онъ пилъ сладостное пшамя взоровъ твоихъ, Афродита! онъ дышалъ зноемъ дыханія твоего; лебедемъ вдохновеннымъ плавалъ, дель-

финомъ плескался въ морѣ объятій пвоихъ;
зефиромъ вѣясь въ золотыхъ облакахъ кудрей
пвоихъ, звѣздой пвоей упоая въ зарѣ ла-
нипѣ и успѣ пвоихъ, и лучемъ мѣсяца
скользя и прокрадываясь по млечному пупи
выи и персей пвоихъ, онъ гасъ и мѣлъ и па-
ялъ въ молніедышащемъ лонѣ любви пвоей! —
Но нѣтъ! и не ты Изящное! —

Къ тебѣ, Геба плѣнительная! выплывалъ
онъ изъ океана объятій Афродитиныхъ и ты
упомленного пинала пищею боговъ — амбро-
зією надземной любви! И къ тебѣ, Ганимедъ!
ты услаждалъ его — нектаромъ упоитель-
нымъ! — Тщешно! —

Опѣ Ганимеда лепѣлъ мой духъ въ сонѣ
музъ пвоихъ, Фебъ свѣтоносный! Игралъ, шу-
пилъ онъ съ небесными дѣвами. Сладоспно
было ему бытъ подвласпнымъ своенравію ихъ!
Уранія носила его по лазурнымъ межзвѣзднымъ
пространствамъ, Кліо по шумнымъ волнамъ
вѣковыхъ водоворошвъ человѣческа лас-
кали его небесныя дѣвы, хороводами строй-
ными утѣшали его, пѣснями звучными услаж-
дали его.....

И съ тобой самимъ, Аполлонъ свѣтонос-
ный, лежалъ онъ въ колесницѣ лучезарной и
— какъ пылинку видѣлъ землю подъ собою!
И съ тобойже сходилъ въ пастушьи долины!

Впивался въ сіяніе солнечныхъ очей своихъ,
лился сладко звучною прельюсвирели своею!....

Но нѣтъ! Лишь упомень съялъ мой
духъ! Жажды Изящнаго не упомили вы, боги
Олимпа! Нѣтъ, не вы, не вы Изящное! Туманъ
очаровательныя обипели блаженства вашего!
и прахъ — пѣвническая Аркадія, прелестная
Темпе — подножіе ваше! и насѣкомыя крыла-
тыя — Пиндары, Платоны — созданія ваши!

Тѣсно, душно спало безсмертному духу
въ свѣщницѣ блаженства вашего! — Упомялся,
изнемогъ онъ въ знойныхъ объятіяхъ вашихъ!
— Изсякъ родникъ жизни его, лавою вашею
плывшій! — Нѣтъ, не вы, не вы Изящное, не
вы Изящное живое! — И оставилъ Олимпъ вашъ
мой духъ упомянутый.

На Сѣверъ небесъ своихъ ушелъ онъ. Въ
ледъ мысли претворилось оспывшее сердце его.

Къ свисту и гулу бурь Одиновыхъ съялъ
онъ прислушиваться. На крыліяхъ ихъ ле-
палъ онъ по морозному небу Сѣвера. И въ
сонмѣ боговъ холодной Валгаллы застѣдалъ онъ.
И съ ними понуль онъ въ ихъ чашѣ забвенія.
И съ ними горѣлъ огнями ихъ браней и шум-
но кровавыми пожарами раздивался по небу ихъ.

Но нѣтъ, Валгалла! и не въ тебѣ обипа-
етъ Изящное! Безжизненны ледяныя объятія

небесъ твоихъ! безжизненны твои кровавыя сіянія! —

Но гдѣже оно? Гдѣ Изящное? Гдѣ упо-
лишь мой духъ жажду, его помящую? — —

Уже, въ изнеможеніи, полумертвый, ски-
пался онъ по пуспынямъ и шумдрамъ своего
внушренняго міра. Въ себя, какъ въ могилу,
углубленный, онъ пусклымъ, холоднымъ взо-
ромъ блуждалъ по пущамъ имъ пройденнымъ.
Исчезла Валгалла, въ шуманъ погрузился
Олимпъ предъ взоромъ разочарованнымъ. Вда-
ли — въ знойной пуспынѣ — камни, — раз-
валины дооблачнаго сполпа гордости его!
Тамъ — обрушенныя, сѣдыя снѣжны капицей!
Тамъ — пирамиды, неколебимые обличители
служенія его ничтожеству земному! А тамъ
— судорожно сердце въ немъ вздрогнуло, мол-
ніями сверкнули глаза тамъ — тамъ мерпи-
вое море, тамъ и города возродились предъ
нимъ и — онъ въ нихъ.... Тренешъ и холодъ въ
членахъ тяжкая жизнь бьется въ груди,
и давить попка, какъ зной, дыханье сердца....
и — всѣми членами дрожа и въ слезахъ — въ
прахъ повергся мой духъ. Свѣта спрашаясь,
смыкаетъ препенныя вѣки; — кипящія рѣки
льются изъ глазъ, .. и съ препеномъ въ
сердцѣ ждесть Правосудія Небеснаго духъ
мой, мнишь, къ праху приникая, — громы

лепящъ раздробить его, мнишь — всѣ звѣзды Вселенной въ стрѣлы молній обратились и — сыплются на преступнаго.....

Но — вѣяніе мира съ небесъ благодапно обьяло мой духъ! Тише и тише въ пылавшей груди, легче и легче бѣненіе жизни, и тихо окреснѣ..... Робко подъямлясь, разнялъ мой духъ препенныя вѣки и — звѣзда — въ лучахъ невѣдомаго свѣша сіялъ на небѣ..... и надеждою живительной запалъ ея лучъ въ грудь изнеможенную и внемлѣшь мой духъ звуки небеснаго, сладкаго пѣнія .. пробуждается жизнь въ заповѣдномъ уголкѣ сердца ... и препенно руки и взоры дерзаетъ духъ мой къ небу воздѣнь: Небо раскрыло ... Ангеловъ лики ... и пѣсь: »Слава въ вышнихъ Богу и въ груди твоей миръ!« И невѣдомою, новою жизнью сердце препенетъ! и новая, сладостная жизнь въ членахъ спруится! и свѣтлой небесной росой льется радость изъ глазъ! и радъ дыханье вѣешь въ груди! И вшоритъ весь міръ мой ликоваіямъ духа избавленнаго: Богъ, Богъ, самъ Богъ - Свѣтъ, самъ Богъ - Любовь, Богъ - Жизнь вѣчная, Богъ, Богъ родился въ сердечномъ Водоемѣ моемъ.

Ликуйте небеса небесъ! ликуй земля изъ края въ край! ликуйте орлы и онагры! ликуйте народы всѣхъ Царствъ! Ликуютъ

всѣ Силы небесныя, и Херувимы и Серафимы!
Богъ падшаго возродилъ! Собою возродилъ его!
Своимъ Свѣтомъ, Своею Любовью, Вѣчною
Жизнью Своею возродилъ его! — — —

И позналъ возрожденный духъ мой Изящ-
ное живое, глубиною души позналъ Изящное
неплѣнное! Богъ, Богъ Троиственный его Изящ-
ное живое! Онъ видѣлъ Его, онъ внималъ Ему,
онъ ощущалъ Его сердцемъ, осязалъ Его, вку-
шалъ плоть Его, пилъ кровь Его!

Свѣтъ, Любовь и Жизнь мое Изящное!
И Свѣтъ, Любовь и Жизнь — присіянная риза
превѣчнаго существа Божія; Свѣтъ, Любовь
и Жизнь присущное превѣчное тѣло Троиствен-
наго; Свѣтъ, Любовь и Жизнь — Самъ
Троиственный. Лобызалъ устнами сердца
духъ мой ризу присіянную; ощущалъ перстами
сердца тѣло присущное! Какъ манну въ пу-
стынѣ Израиль, поглащалъ я спруи Свѣта не-
плѣннаго изъ самыхъ очей Троиственного; какъ
елень зноемъ помимая воды испочника сту-
денаго, такъ изъ самыхъ устъ Троиствен-
наго пилъ я Слова Жизни вѣчной; какъ мла-
денецъ, въ блаженствѣ несамовѣденія приникалъ
я къ опеческимъ персямъ Любви Превѣчной!
И, о мое Изящное всесовершенное! Спруи
Жизни, море Свѣта, небеса Любви..... но —
еще ли нѣмоуспиваешь дерзая словомъ своимъ

о Тебѣ, Незглаголаный! — Вода земли умъ мой, земное пламя мое сердце; и не отражается ликъ Изящнаго превѣчнаго въ мутной поверхности мысли моей и не изображается оно въ копошиномъ пламени сердечнаго языка моего. И силясь объять Тебя, мой умъ — какъ роса лепишъ и таепъ въ лонѣ Истины Твоей! и силясь сказать Тебя, расплавливается пылъ сердца моего въ вѣнчїи Любви Твоей! и — повергаюсь ошпаремъ духа моего предъ подножіемъ Твоимъ и оймїагомъ молитвы воскресю къ престолю Любви Твоей! — —

Падшіе Ангелы, вы ищете Изящнаго въ предѣлахъ земнаго бытія вашего, въ шуманяхъ лепучей мечты вашей! Тщепны исканія ваши! Трепещите и вѣруйте — и Изящное Само зашепелись въ груди вашей! Трепещите и вѣруйте, — и Тотъ, Кто одѣвается свѣтомъ какъ ризою и ходишъ на крыліяхъ вѣтра (Пс. 103.), Тотъ, предъ Кимъ огонь предъидеши и окресиши враги Его попалиши (Пс. 95.), Тотъ, Чей надъ твердью возвышается сапфирный престолъ »и подобіе янтаря и подобіе огня внириши и окресиши его, опъ чреслъ и даже до дому подобіе огня, и свѣтъ окресиши, и подобіе радуги въ облакахъ въ день дождя спояние свѣта окресиши«... (Езек. 1, 26.) — Самъ великодѣльный въ шверди (Быш. 5, 33, 26.) ни-

зойдетъ въ глубину души вашей! Трепещите и въруйше! По высотамъ Неба утвердилъ Онъ милоснѣ Свою на боящихся Его и на сколько Воспокъ опешоинѣ опѣ Запада удалилъ опѣ насъ беззаконія наши (Пс. 102, 12, 13.) и обновляетъ подобно орлу юноснѣ нашу. (Пс. 102, 5.) —

Падшіе Ангелы! видите въ синей дали — дымъ видите — пламя багровое пышетъ, искры летятъ слышите — гулъ по вѣкамъ!..... Такъ Правосудіе гневаго Неба рушитъ обители нечестія! Такъ сокрушитъ огонь его грудь, въ мракъ и въ прахъ и въ пылъ земномъ — Изящнаго ищущую!

Но взгляните: Небеса преклонились къ землѣ! взгляните: Самъ Богъ-Свѣтъ, Самъ Богъ-Любовь, Самъ Богъ - Жизнь — въ ясляхъ младенецъ! И Богъ - младенецъ посреди людей возраснаетъ; и Богъ — въ повиновеніи у людей. И вопѣ — Богъ человекъ — людьми гонимъ! и вопѣ — вѣчно царсвенную главу — шерніе пронзаетъ! и поруганія изрыгаются — на Всепокланяемаго! и — къ позорному древу, какъ пресупникъ, пригвожденъ Царь силы! и — »жажду« — вызываетъ Богъ пригвожденный! и — къ устамъ Бога Благости, Бога Любви всесовершенной — оцепѣ возносятъ! и — видите — солнце померкло земля

колеблется и мракъ и громы
 поникаешь главою — Всесильный! и — но
 Боже! не сильно слово, не силенъ духъ слѣ-
 дить Любовь Твою во всѣ спрашныя глубины
 опроверженія! Содрагается и мушится душа,
 дерзая низзрѣшь въ мракъ бездны, куда нисхо-
 дишь ты, попрашь духа тьмы и смерти!.....
 Падшіе! шакъ облакается Благость пре-
 вѣчная въ плоть Адамову; шакъ приемлешь
 образъ смершнаго, шакъ несешь поруганія, шакъ
 несешь смерть креспную, да умрешь въ образѣ
 его пресшупный Адамъ! шакъ возлагаешь на
 Агнчій рамена свои всю пягошу зла всѣмъ че-
 ловѣчешвомъ сотвореннаго, да примиришь оп-
 шшупное съ правосудіемъ Ошца превѣчнаго!
 Такъ даешь Агнецъ заклашь себя, да умило-
 стивишь вѣчное правосудіе свяшѣйшею жерш-
 вою! — И — падшіе! проникните взоромъ серд-
 ца къ могила въ жертву закланнаго..... му-
 шится и слѣшнеть вашъ взоръ Свѣтъ не-
 пресшупный сіяетъ! Сынъ Бога воплоши —
 изъ гроба возспаешь! И — взгляните навысопы:
 осіанный славою Сынъ Бога воплоши — къ
 сапфирному прешполу Ошца паришь! — Пад-
 шие! молкнешъ слово ушъ слабое; но видитъ
 духъ, ошущаешь сердце души соза-
 кланныя Агнцу - Богу — по слѣду его возно-
 сяшся въ Царство вѣчнаго Свѣта, вѣчной Люб-

ви, вѣчной Жизни; видить и ощущаетъ . . .
пившіе сладчайшую кровь, вкушавшіе сладчай-
шую плоть Бога-Агнца — пьютъ и вкуша-
ютъ Изящное живое — Свѣтъ, Любовь и
Жизнь!

Падшіе! такъ и въ мрачную глубину души
вашей низойдетъ Богъ-Благость неиспощимая!
такъ и вашего Виѣлсема ясли освѣтятся рож-
деніемъ Его! Ссраспнитесь въ груди вашей
Богу Любви неизсякаемой! и вы увидите Бога
Славы и Силы въ груди вашей! и вы услы-
шите превѣчный глаголъ Жизни изъ успѣ на
престолѣ сапфирномъ Возсѣдающаго! и вы вку-
сите опъ сладости непѣлеснаго пѣла Его! и
познаете и ощутите чпо Изящное, чпо
Изящное непѣльное! и совоскликнете Проро-
комъ вѣчнымъ: Благоуханіе мвра Его паче
всѣхъ ароматъ! и мвро изліянное имя Его!
(Пѣс. Пѣс. 1, 2.) Сладше меда усмамъ словеса
Его! (Ис. 119, 193.) Паче вина сосцы Его!
(Пѣс. Пѣс. 1, 1.)

Услышьте глубиною сердца слово изъ
успѣ Бога воплощеннаго: »Ядый мою плоть
и пій мой кровь, имать живошъ вѣч-
ный, и азъ воскрешу его въ послѣдній день.
Плошь бо моя истинно брашно, и кровь моя
истинно пиво. Ядый мою плоть и пій мой
кровь, во мнѣ пребывашъ и азъ въ немъ. Яко-

же посла мя живой Опець, и азъ живу Опица ради, и ядый мя, и той живъ будетъ мене ради. Сей естъ хлѣбъ сшедый съ небесе: ядый хлѣбъ сей, живъ будешь во вѣки.» Такъ рекъ Сынъ Божій сонмищу народа; и не разумѣвшимъ словъ Его ученикамъ и говорившимъ: »жеспоко слово сіе, кто можетъ его послушать?« — пакъ пояснилъ божественную глубину словъ Своихъ: »Духъ естъ, иже оживляетъ, плоть не пользуется ничиже: глаголы, яже азъ глаголахъ вамъ, духъ супъ и животъ супъ.« Слышите, падшіе! что Изяцное? слышите, что пища души живая? пища и пипіе души сладчайшія? Его кровь, Его плоть! А Его плоть — духъ! Его плоть — глаголы Его! А глаголы Его — Онъ Самъ, Самъ Богъ-Свѣтъ, Самъ Богъ-Любовь, Самъ Богъ-Жизнь! »Ядыймя,« глаголетъ Онъ, »той живъ будешь.« —

Падшіе Ангелы! Служипели кумировъ мечны! Обожашели шума и дыма, а не Изяцнаго! Приидите къ Изяцному воплощенному! приидите видѣть и познать Его! приидите слышать Его! приидите вкусить Его! приидите пить Его, дышать Имъ! Падшіе! возродитесь! Возродитесь духомъ въ новую жизнь и воскреситесь! Воскреситесь и воспаритесь шуда, гдѣ глаголы Его! Взакаемше устами сердца свѣтовой плоти

глаголовъ Его! возжаждемъ горпанию глубины сердечной живыхъ спируй крови Его! Всѣмъ сердцемъ и всею душою взалкаемъ и возжаждемъ, взалкаемъ, возжаждемъ и возлюбимъ Наисладчайшаго! Всею любовію души возлюбимъ Наилюбезнѣйшаго! Всею любовію души возлюбимъ Нанизящнѣйшаго!

Его сладчайшей плоти вкусивъ, Его сладчайшей крови испивъ, падшіе Ангелы! мы пронзимъ мглу тучъ земныхъ и воспаримъ въ чистѣйшій эфиръ жизни вѣчной! Скинемъ оболочку земную и — свѣтъ будетъ пѣло наше и — рѣки опъ чрева нашего пошекутъ воды живы! Воспаримъ въ область Свѣта Его и примкнемся къ хору Херувимовъ и Серафимовъ и сольемъ чистую пѣснь нашу съ свящѣйшими ликами ихъ и воспоемъ и възиграемъ въ хорѣ ихъ Славу Изящнаго всесовершеннаго у подножія превѣчнаго престола Его!

Солнцы погаснутъ и міры исплѣютъ, и своды пространства обрушатся и рѣка времени изсякнетъ: но мы, вкусившіе плоти Бога, испившіе крови Бога, — во вѣки не преспанемъ — пѣть сердцами славу Его! —

3й Опломокъ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

Особенный Характеръ Европейскаго
духа времени.

(Выписка изъ Французской книги. *)

. . . . Въ наше полько время, и люди благонамѣренные, вообразили, что между добромъ и зломъ, между заблужденіемъ и истинною, между нечесіемъ и вѣрою, можно будтобы найти какую-то средину и держаться ея. — Сіе мнѣніе поколебало всѣ начала, всѣ правила, всѣ законы положительныя. Отъ него все сдѣлалось истиннымъ и все ложнымъ. — Когда нужда въ Религій — за нее вступающа. — Какъ скоро вопль ея враговъ усилился — отъ нее отступающа, какъ-бы спыдаясь ея. — Сіе колеблеть добрыхъ; злые же, видя силу свою, удостовѣряются въ успѣхъ ихъ дѣятельности и просираваются дерзость свою далѣе. — Нечесіе имѣетъ свою Религію, воссоединеніе съ Свѣтоносцемъ, холодную, какъ гордость его, но фанатическую. Подъ

(*) На мѣста въ сей статьѣ, означенныя звѣздочками Изд. предославляетъ себѣ въ послѣдствіи сдѣлать некоторыя замѣчанія. —

именемъ наукъ обожаетъ оно разумъ человѣческій. — Для него наука есть Богъ міра; оно въ него одного вѣруетъ, на него одного надѣется, его одного любитъ; по его догматамъ мудрость и всемогущество сего Бога, должны обновить лице земли и быстро вознести человѣка на такую степень совершенства и счастья, кою той онъ не можетъ и представить себѣ. — Сія Религія имѣетъ свою полную систему, свои догматы, свои таинства, свои пророчества и даже свои чудеса (магнетизмъ). Она имѣетъ свое богослуженіе, свое священство, своихъ миссіонеровъ, и ее похотѣвъ поставивъ на развалины всѣхъ прочихъ Религій.

Два ученія борются въ мірѣ. Они стремятся, одно: соединить людей; а другое разлучить ихъ. — Въ одномъ все общее, власть, вѣра, обязанности, и каждый членъ гражданства, существуя единственно для него, содѣйствуетъ его благоустройству совершеннымъ покореніемъ разума, сердца и чувствъ своихъ, закону непреложному. — Въ другомъ, напрошивъ, все личное; и отъ того-то мѣсто обязанностей занято въ немъ одними выгодами; а власть, — независимостью. Въ немъ каждый, будучи владыкою своихъ: разума, сердца и дѣлій, признаетъ одинъ

только законъ, собственную свою волю; одно только правило, свои желанія; одну только узду, силу. И пошому-то, какъ скоро гдѣ-либо наружная сила ослабнетъ, тамъ немедленно возникаетъ междоусобіе, нападающъ на все сущесшвующее и общество подвергается разрушенію.

Стараются усыпить вниманіе къ симъ произшесшвіямъ, говоря, что всегда были въ мірѣ мянежи и пресшупленія. — Правда, всегда были безпорядки между человѣками; ибо всегда были заблужденія и спрасши: вѣчная борьба зла съ добромъ. Но прежде знали что есть добро и зло; — а теперь не знаютъ; въ томъ и другомъ равно сомнѣваются.

Прежде люди самые развратные привязывались къ злу частному, кошораго плодъ прельщаль ихъ. Пресшупленіе было способомъ; но не цѣлію. — Убивали изъ мщенія или изъ корысти; но не было убійствъ и гоненій сисшемашическихъ. — Убивая, не отвергали вѣчнаго закона: Не убій. — Развратъ сердца рѣдко заражалъ разумъ. — Слова порока и добродѣтели имѣли одно, всемірное значеніе. — Общесшвенный капиталъ признанныхъ истинъ, общепринятыхъ правъ, порядка общесшвеннаго, — лежалъ неприкосновеннымъ; никто и не предспавлялъ

себѣ, чтобъ можно было его открыто разграбить. — Тѣ самые, кои потаскивали его мелочами, щипали общую его неприкосновенность священною. — Война происходила на самой отдаленной границѣ общества; или во мракѣ, противъ нѣкоторыхъ отдѣльных лицъ, такъ, что обыкновенная исполнительная власть всегда имѣла довольно силы для защиты Государственнаго спокойствія и личной безопасности.

Нынѣ всѣ узы распоргнуты. Человѣкъ среди общества уединенъ, одичалъ; въра общественная исчезла; умы, сами себѣ опасенные, не знаютъ куда дѣться и колеблются въпрямъ тысячи противоположныхъ направленій. Опъ сего-то произошелъ всеобщій безпорядокъ, и какое-то спрашное непостоянство въ образѣ мыслей и установленіяхъ. Люди, какъ-бы равно упомянутые и заблужденіями и испиною, равно отбросили и шѣ и другую. — Въ сердцахъ поселилась какая-то неимовѣрная тоска, скука, отвращеніе опъ жизни и ненасытимая потребность разрушенія. Чувство сіе, опличительный характеръ нашего времени, обнаруживается въ тысячахъ образовъ и во всѣхъ классахъ. Богатый и бѣдный, народъ и Вельможа, всѣ какъ будто-бы преслѣдуемые грознымъ привидѣ-

ніемъ того вѣка, который они опровергнули, бѣгутъ отъ него и спѣшащъ броситься въ безвѣстную будущность! — Въ настоящемъ опсѣивается еще что-то прошедшее, — и сей мелькающій отблескъ ихъ пугаетъ. — Успрашенный умъ перешагнулъ чрезъ всѣ оплошны, опрокинулъ всѣ приграды. Онъ ничего болѣе не видитъ, кромѣ всеобщихъ перевороповъ, кромѣ всеобщаго испреблснїя, не заботясь даже и о томъ, чѣмъ замѣнитъ разрушаемое. — Хочетъ новой Религіи, не зная какой; новаго образованїя обществъ, не зная какого; новаго законодательства и новыхъ нравовъ, не зная какихъ. И въ семъ-то хаосѣ буйства и безсмыслия утопаетъ здравый смыслъ общественный.

Одинъ Богъ не оставленъ независимымъ; онъ подчиненъ законамъ природы, исходящимъ изъ сущеснїа Его, стольже совершеннымъ какъ Онъ самъ, стольже непреложнымъ какъ Онъ самъ. — Въ единствѣ бытія Его, Деизмъ заключилъ Его въ какое-то вѣчное уединеніе; а Атеизмъ, скипаясь по сей безпредѣльной темницѣ, и сосвѣтъ Его не находитъ!

Какимъ же образомъ общественный человѣкъ можетъ существовать въ совершенномъ уединеніи? — Духи и тѣла не имѣютъ другой жизни, кромѣ той, которую прїемлютъ подъ

условіемъ сообщать ее. — Опъ сей необходимозаимной зависимости родился порядокъ, копорый стоить на двухъ основаніяхъ: на власи и на повиновеніи. — Но гордость не любитъ повиновашься, и пошому-то опшвергаетъ всякую влась. Нечестный говоритъ: Буду самъ себѣ царемъ. И пошому вѣришь одному себѣ, надѣешься на одного себя, любишь одного себя, и все относитъ къ одному себѣ. — Чѣмъ же различается онъ, въ эшомъ положеніи, опъ дикаго? И чтожь это значитъ иное, какъ не разрушеніе общества, копорое состоить въ вѣрѣ къ кореннымъ истинамъ, по общему свидѣтельству о нихъ, въ любви къ другимъ, и въ самоопшверженіи, опъ сей любви произтекающемъ? — Общество значитъ связь, въ копорой пожертвованіе собою, есть единственное начало порядка и единое средство къ его охраненію. (*)

Изъ двухъ ученій, коихъ основныя начала мы здѣсь весьма кратко изложили, одно есть Христіанство; а другое тошъ разнородный сборъ частныхъ мнѣній, копорый называется Философіей. Тошъ бурный пошокъ своегомыслия, копорый по скашамъ, болѣе или менѣе крупнымъ, низпадаетъ въ пропасть Атеизма.

Теперь покажемъ мы, какъ всякое мнѣніе переходитъ изъ головы въ сердце и рождаетъ въ немъ сообразное съ собою чувство. — Возьмемъ въ примѣръ сей основной законъ обществъ: Чти отца твоего и мать твою. — Какъ скоро онъ принятъ; то изъ него происходятъ почтеніе къ родителямъ, къ начальству, къ самому Богу, а отъ правила: мы ничѣмъ никому, кромѣ одного себя не обязаны, родится, напротивъ, одна исключительная любовь къ себѣ, необузданное самолюбіе и гордость. — Тоже самое правило, которое приложили мы теперь къ сему опредѣленному закону, прилагается, съ большею еще ясностію, къ цѣлому ученію; ибо каждое ученіе исходитъ обыкновенно изъ одного общаго начала; и поному къ каждому ученію есть и общее чувство, оживляющее его общему началу; и сіе-то чувство, собственно, образуетъ особенный характеръ каждаго ученія.

Господство Божіе есть общее начало Христіанства; изъ него происходятъ общая обязанность: свободнаго повиновенія; во-первыхъ Богу, и потомъ властямъ общественной и сѣмейной, во имя Божіе. Свободное же повиновеніе есть покорность любви,

есть жертва; ибо нѣтъ любви безъ жертвы. Слѣдовательно общее чувство Хрістіанства есть любовь. — И дѣйствительно, что видимъ мы въ ученикахъ Иисусовыхъ, и почему можно узнавать ихъ? — Именно и единственно по безпредѣльной, всеобъемлющей любви, копорая каждый день, предъ глазами нашими производить сполько чудесъ самоотверженія? Любовь къ Богу, любовь къ Царю, любовь къ ближнему, всегда готовая излиться въ благопворенія, въ услуги, въ утѣшенія; любовь къ самымъ врагамъ, копорая не въ шомъ состоитъ, чтооь забываніе обиды; ибо забвеніе не есть любовь; но въ постояннй готовности прощать опъ всего сердца; любовь къ благоуспройству и съ нею вмѣстѣ опвращеніе опъ всякаго своеволія; любовь къ законамъ, охраняющимъ сіе благоуспройство; любовь къ исполнителямъ сихъ законовъ. Словомъ, любовь въ Государствѣ, въ сѣмействахъ, ко всѣмъ чловѣкамъ, образованнымъ и дикимъ, готовая умереть за ихъ спасеніе. (*) Любовь безъ исключенія и предѣловъ! (†)

Всѣ ученія Философскія, будучи, напропивъ, отрицательны, или что одно и что

(†) Писан Писній, глав. VIII, 6.

же, разрушительны, имѣютъ общимъ началомъ: Господство человѣка; а какъ скоро человѣкъ, признаетъ себя Самовладкою; то онъ шѣмъ самымъ естъ уже бунтовщикъ прошивъ Бога и прошивъ всякой власни ошъ Бога успановленной; Бунтовщикъ же только ненавидѣть можетъ, слѣдовательно, общее чувство, Философскими учениями раждаемое, естъ ненависть. — Да и кпо въ помъ усомнился, вспомнивъ царство Философiи подъ видомъ разныхъ Французскихъ революцій? — Кпо усомнился, взглянувъ на то, что дѣлала она въ теченiи послѣднихъ сорока лѣтъ и еще недавно подъ глазами нашими вокругъ насъ? — Какое оспервененiе самыхъ звѣрскихъ спрастей; какое упонченiе злобы; какiя неслыханныя пресупленiя! — Что это иное, какъ не самая адская ненависть, со всѣми ея ужасами? — Пенависть къ Богу; ибо хотѣла бы уничтожить не только Его Религiю, Его служенiе; но и самое имя Его. Пенависть къ священной Iерархiи, кошорую клеветать, гонить и казнить, по ненависти къ Богу, вездѣ, гдѣ можетъ. Пенависть къ Царямъ, къ Дворянству, ко всѣмъ сущесшвующимъ успановленiямъ. Пенависть ко всякой предержащей власти; и наконецъ, любовь къ своеволiю! Пенависть къ

законамъ, копорые охраняють пишину, обуздывая спраспи; Ненависть къ исполни-телямъ законовъ. — Ненависть въ Госу-дарствѣ, въ семействахъ. (+) Ненависть все-мѣрная, обнаруживающаяся въ мясѣжахъ, въ убійствахъ, въ пламенномъ желаніи разрушенія. (*)

Какое ученіе исповѣдовало по чудовище нашего времени, которое поразило надежду Франціи въ лицѣ Герцога Беррійскаго? — То существо, коего вся душа слита была изъ одного пресупленія, копорое заснуло, совершивъ свое злодѣяніе? (++) — Апейзмъ. Какое ученіе исповѣдовалъ Лелевель и ученики его? — Деизмъ; по естѣ, закрашенный Аше-измъ — Религію Лувеля!

Изъ прошивоположныхъ чувствъ сими двумя прошивоположными ученіями (Хрис-тіанскимъ и Философскимъ) раждаемыхъ, произ-

(+) Когда были обыкновеніе и споль многочисленны семей-ственные злодѣянія: Ощесубійства, мужеубійства, женоубійства, дѣноубійства, самоубійства, отправленія, — какъ не въ вѣкъ Философіи? — Прочпите процессъ, Resurrection men, недавно въ Англіи производившійся, и загляните въ Уголовные Суды Франціи. Совсѣмъ новые роды ужаснѣйшихъ пресупленій дѣлаются почти обыкновенными, какъ въ прѣжне время кража, и проч.

(++) Смотри допросъ его въ Парижскихъ газеткахъ шого времени.

ходящъ два рода жертвъ: Пожертвованіе собою другимъ — жертва любви; и пожертвованіе другими себѣ — жертва ненависти. Но ненависть имѣетъ разныя степени. Она не споль свирѣпа памь, гдѣ остается еще нѣкоторое преданіе, хотя и извращенное — о Божеспвѣ; ибо памь имѣетъ она еще предѣлъ; ибо памь она признаетъ еще нѣкоторыя обязанности. Такъ язычество жертвовало частнымъ человѣкомъ обществу; но въ Религіи Философской жертвуется цѣлымъ обществомъ частному лицу. —

Добровольное пожертвованіе всякаго человѣка, самимъ собою обществу, находится въ одной Христіанской Религіи; и сія жертва состоитъ изъ всего человѣка. Изъ жертвованія собственными его мнѣніями и личнымъ образомъ мыслей; изъ жертвованія его склонностями и частными выгодами; изъ жертвованія самою его жизнью, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ польза общая того требуетъ. — Вошъ единое, прочное основаніе общества; и пошому не можетъ оно въ Европѣ снова, неизбежно иначе возстановиться, — какъ помощію Религіи. И пошому-то нынѣ споль очевидно общее къ ней стремленіе, всѣхъ людей прави-

лами добродѣтели и — благородными чувствами къ благоустройству общественному еще привязанныхъ. —

Письмо къ Издашелоу

М. Г. А. И.

Сердечно благодарю за привѣтливый пріемъ моихъ деревенскихъ издѣлій. — Сурово не бѣлье свое руководѣе. — Всѣ любезности и учтивства ваши цѣню весьма дорого. Но принимаю съ разборомъ. — Съ удовольствіемъ, независимымъ опъ своекорыстія, прочелъ я примѣчаніе ваше, на впорой кусокъ моего мозаика и пѣмъ болѣе ему обрадовался, что наспоющій опломокъ держалъ уже, въ то время, въ рукѣ, какъ бы предугадавъ желаніе ваше имѣть его. — Посылаю при семъ. — Прошу извинить, что немножко тяжель, по закону центробѣжности, и чрезвычайно пестрь; но видно шакоеъ былъ спаринный вкусъ; а мнѣ нельзя, ломая съ краю, выбирать красивѣйшіе узоры, какъ бы желалъ того. — Я надѣялся, что опять опломаясь Кометы; но опкололась Планетная система. — Это,

впрочемъ, все равно, какъ вы знаете, по модной кометографiи.

Вашъ искреннѣйшій почитатель,
С. Спасское. М. Простодумовъ.

4ый Опломокъ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА. (*)

Выписка изъ вѣпораго пропокола обсерваторiи села Спасскаго.

... Сего дня пора однакоже приняться за что нибудь поважнѣе астрономическихъ моихъ прибаутокъ. — Мало ли предметовъ: — Астрономы безъопчешно замѣтили, что нѣкоторыя изъ звѣздъ, кои почитали они неподвижными, начали уменьшаться, и какъ бы уходить, въ какую-то глубь. — Они увидѣли на небѣ какое-то темное пятно, которое одинъ Германскій Ученый премудро назвалъ — угольнымъ мѣшкомъ. — Они еще не знаютъ чѣмъ свѣтитъ солнце? отъ чего на немъ бывають пятна? какимъ образомъ случается, что когда пятна сіи болѣе

(*) Сообщено издателю отъ Г. Простодумова и еще нѣсколько любопытныхъ опломковъ и осколковъ.

и должны бы были уменьшать теплоту его, тогда именно бывало льто теплѣе? — Не знаюшъ, на что и куда склоняется Эклиптика, точно такъ, какъ предувѣдомилъ ихъ о томъ, за семдесятъ лѣтъ, благочестивый нашъ Эйлеръ. — Не знаюшъ .. многого не знаюшъ, — больше не знаюшъ, чѣмъ знаюшъ. — Тѣмъ лучше для тебя — приступай смѣлѣе къ открытіямъ. — Вѣдь, и другіе дѣлали ихъ на щастіе. — Какъ знашь? Можешь бышь шы-по все недоспающее и откроешь, — тогда соберушъ кучку изъ запасныхъ звѣздъ, произведушъ ее въ созвѣздіе, и его назовушъ — чердакомъ села Спасскаго! — Такъ рассуждалъ я, подходя къ моей обсерваторіи, и, съ чувствомъ какой-то благородной гордости, мудреца разширившаго кругъ познаній человѣческихъ, ошлично послужившаго царству разума, я отперъ дверь. —

. О, телескопъ мой! — орудіе будущаго моего величія — чудесная колесница, на которой быспрѣе и безопаснѣе Фаетона могу я обшечь все необьянное мірозданіе. — О новыи, ангельскій глазъ, задапокъ будущаго всевѣденія человѣка. — О Галилей! — тебѣ сбязаны мы даромъ сего шеснаго чувства; — посшавлю бюспъ швой выше Кеплера и Нев-

пона, и всѣ открытія ихъ и мои положу къ его подножію. Чпо за возпоргъ Г Аспрономъ? чпо за Поэзія? — ты забылъ достоинство ремесла своего; онгъ тебя не Пиндаровыхъ Діеирамвсѣхъ, а почныхъ наблюденій, вѣрныхъ выкладокъ ожидаютъ. — Какъ хочешь ты, чпо бы въ такомъ дѣлѣ, гдѣ все основано на одномъ довѣріи, повѣрили тебѣ, когда въ порывахъ піиписической фуріи своей, еще только обтирая телескопъ, ты уже занесъ такую гиль? — Подожди съ апопеезомъ Галилею, и прежде всѣхъ прославленій и его и тебѣ самого, вспомни, какъ попался чловѣку въ руки телескопъ, совсѣмъ нечаянно; и швой славный Галилей не изобрѣлъ его; а только приспособилъ къ дѣлу открытіе совершенно случайное: — Это одна-коже правда: — Въ самомъ началѣ семнадцатаго столѣтія извѣсны уже были простые очки, помогающіе слабому зрѣнію. Мешій въ Голландіи, Янсъ и Лапре въ Миддельбургѣ, дѣлали ихъ. — Дѣли одного изъ сихъ художниковъ, играя спеклами для очковъ заготовленными, поспавили, невзначай, два спекла, одно противъ другаго, въ нѣкоторомъ разстояніи, и примѣтили, чпо предметы кажутся сквозь нихъ — ближе. — Объ этомъ заговорили въ видѣ любопытности, — и слухъ до-

шелъ до Падуи, гдѣ жилъ тогда Галилей, человекъ съ отличными дарованіями и знаніемъ. Онъ гошовась, начально, по состоянію своему, въ Медики, — сталъ учиться Математики осьмнадцати лѣтъ; и двадцати пяти занималъ уже Профессорскую кафедру сей науки въ Пизскомъ Университетѣ. — Зависть лишила его сего мѣста, и онъ перешелъ, на ша- коеже, въ Падую, которая зависѣла тогда отъ Венеціи. — Галилей воспользовался оп- крышіемъ дѣшей, подвергнувъ его всѣмъ нужнымъ опытамъ, согласно съ законами Оп- тики. Сдѣлалъ трубу изъ картона, вспа- вилъ одинъ конецъ ея, стекло съ одной спо- роны гладкое, а съ другой выпуклое, обер- нувъ выпуклою спороною къ наружѣ, — и назвалъ стекло сіе, предметнымъ (*objectif*); ибо оно есть ближайшее къ разсматриваемому предмету. Въ другой конецъ свей трубки поставилъ онъ стекло съ обѣихъ споронъ впалое, и назвалъ его глазнымъ (*oculaire*); ибо оно приставляется къ глазу, и — кар- тонная трубка его спала увеличивать пред- меты въ три крашы. — Галилей надѣлалъ другихъ трубокъ, длиннѣе, шире и дошелъ до увеличивающей предметы въ тридцать три крашы. — Хотя это далеко еще были отъ трубъ ахроматическихъ; но уже далеко и отъ

игры дѣтей стеклами. — Онъ поднесъ ново-изобрѣшенный инструментъ свой Сенапу Венеціанскому.

Поставилъ его на ножку и взвелъ на небо. Какое зрѣлище поразило взоръ его! — Луна въ двадцать три крапы большая шой, кошорую видѣлъ онъ дополъ, вся покрыта пятами, ямами, горами. — Венера сняла покровъ свой — онъ увидѣлъ ея ущербъ и прибыль. Юпитеръ явился не лучистою и угловатою звѣздочкой, но блѣсвающею, маленькою луною, совершенно круглою, съ спаринный серебряный рубль величиною, и съ несвѣтлыми полосами. Четыре маленькія почки, въ равномъ отъ него разстояніи, по горизонтальной линіи, порхали съ лѣвой на правую его сторону, — это его спутники! — Сатурнъ тоже представился луною; но еще меньшею. У него двѣ ручки (какія бывають у вазовъ), двѣ свѣтлыя выпуклости, одна съ правой, другая съ лѣвой стороны. (Позднѣе увидѣли, что это кольцо) — Наконецъ, наставивъ трубку на звѣзды, онъ увидѣлъ, что хоща и кажущаяся онъ крупнѣе; но ихъ открылось множество. Онъ нащипалъ ихъ пядесятъ въ головѣ Медузы, гдѣ невооруженному глазу казалось только семь.

Но какъ не взглянуть на солнце? — и какъ взглянуть на него не ослѣпясь его сіяніемъ? — Онъ закопчилъ дымомъ глазное стекло своего телескопа, и умѣривъ тѣмъ ослѣпительное блиспаніе сего великаго свѣтила; могъ свободно его размаширивать, въ видѣ краснаго шара; увидѣлъ въ немъ нѣсколько пятнень, на другой день новые, на третій ни одного, и заключилъ, что солнце представляешь ему разныя свои стороны, и слѣдовательно, обращается вокругъ самого себя.

Такъ подумывалъ я, обширая телескопъ свой; но дойдя до чистки предметнаго стекла, снялъ съ него мѣдный колпакъ, и, чпо-же увидѣлъ? — Оно все покрыто было самою мѣлкой и плотною паупиной, какъ кружевомъ. — Что за странность? — Чпо хочешь сказать мнѣ эпитъ паукъ, два уже раза мѣшавъ въ астрономическія дѣла мои; самымъ наглымъ образомъ, и все какъ будто явѣ и ближе чпо-то мнѣ указывая? — Ну хорошо, гостъ не званный, давай разговаривать. — Ужъ не изъ ученыхъ ли ты? и по понкому чупью своему, не проглядываешь ли въ мои поговорки слишкомъ далеко впередъ; и не хочешь ли, можешь быть, сказать мнѣ чтобъ я замолчалъ и осперегся радужности спекотъ моихъ, не Фраунгоферскихъ? — Молчишь па-

укъ. — Да что же ты выразить намѣренъ? — Ты существо доброе; я много знаю прекрасныхъ своихъ поступковъ съ людьми бывшими въ заключеніи, въ бѣдахъ и несчастіяхъ: когда ласкашли, и даже друзья, оставляли ихъ, — ты приходилъ къ нимъ, знакомился съ ними, развлекалъ грусть ихъ. Спало ты ничего дурного сказать мнѣ не хочешь; а вѣрно намекаешь что нибудь доброе и полезное. — Да что такое? — Бѣда, что ты молчаливъ и упреждаешь сомною какой-то символическій языкъ, который трудно разгадывать. —

Попытаюсь однакоже. — Не хочешь ли ты сказать мнѣ такъ: Посмотри на мою паутину. Видишь какъ тонка! Ни какой фабрикантъ лучшихъ Брисельскихъ и Алансонскихъ вашихъ фабрикъ, не умѣетъ выдѣлать подобнаго кружева. Но что ты скажешь, когда, (какъ я подслушалъ то и самъ съ удивленіемъ въ кабинетѣ одного изъ славныхъ ученыхъ), когда узнаешь, что каждая ниточка этой паутины состоитъ изъ шестнадцати тысячъ нитокъ! — Я, правду сказать, самъ не щипалъ, — но еслили это правда, то какова моя прядильная машина? — Какъ же можешь ты не только съ презрѣніемъ; но даже и съ нѣкоторымъ на меня негодованіемъ, хотѣшь разрушить столь див-

ную работу? — И на что же? — хоть бы уже для дѣла; а то единственно для того, чтобъ поглазѣть подальше въ небѣ? — Что ты тамъ увидишь? Кольцо Сатурново? но какая прибыль? И лучшіе тебя Астрономы не знаютъ, что оно такое? — Переноса за тридевять земель свою земную мѣлочку, твердятъ они, что это замерзшая атмосфера, тамъ, гдѣ можетъ быть нѣтъ ни снуги, ни тепла, ни атмосферы. — Курамъ смѣхъ! — Не лучше ли небѣ, вмѣсто астрономическихъ наблюдений, пуститься въ микроскопическія? Увидишь какъ оссучена моя шестнадцатипятисеченичная веревка. Увидишь какъ изъ небольшого пѣла моего эими чудными ниями я пострѣливаю, скоро и мѣшко. Какъ располагаю паупину свою такъ, что паденіе самой маленькой пылинки, или крыло чухъ примѣнной мошки, приводящъ всю ее въ немедленное сотрясеніе, до самаго гнѣзда моего. Какъ эта пѣнная и легкая сыпь крѣпка своею слабостью, и часно такъ крѣпко бываетъ привѣшена, что между пѣмъ, какъ буря рветъ съ домовъ вашихъ крышки, раздираетъ огромные парусы, ломитъ дубовыя мачты, — а мою паупину только что покачивается! — Ты въ микроскопъ увидишь, какіе чудесные и разнообразные законы управляютъ

круговращеніемъ сока въ распшеніяхъ. Увидишь, что кровь живошныхъ соспавлена изъ живыхъ шариковъ. — Найдешь въ сей жизненности ея разгадку: *vis vitalis*; изъясненіе, почему запрѣщено ѣсть кровь живошныхъ; почему кровь Авеля могла точно вопіять на брапоубійцу; почему кровавыя жертвы всемірно приносились и въ законѣ Моисеевомъ установлены, и проч. — Вошь превосходство микроскопа надъ телескопомъ! — Однакожъ, ежели ты уже непременно рѣшилъ не всматриваться въ премудрость Божію дома, въ себѣ самомъ и около себя; а упорно хочешь видѣть ее вдалекѣ, такъ узнайже прежде ту область, въ которую ты вступишь осмѣливаешься: Знай, что предположивъ кругъ обтекаемый Ураномъ около солнца, предѣломъ нашей солнечной системы, и прибавя къ сему кругу пространство, охватывающее Урана отъ опдаленнѣйшаго изъ его спутниковъ, Имперія нашего солнца заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи пяти сотъ двѣнадцати милліоновъ Французскихъ почтовыхъ миль, в длину и поперекъ; что соспавишь, говоря астрономически, поверхность: ^v ^{iv} ⁱⁱⁱ 1,796,256, квадрашныхъ миль.

Но какъ поверхность сія равна во всѣ стороны; то и заключаетъ она въ себѣ про-

странство: 1, 666, 927, 368, 000, 000, 000, 000, 000, 000, кубическихъ миль.

Эту необъянность должно усоперить, ежели кометы признаются планетами; ибо ихъ эллипсисъ, вдвое и вътрое далѣе круга Уранава.

Но въ то время, какъ воображеніе твое содрагается уже, перелясь въ сей страшной обширности солнечной системы, представь себѣ, что ты только по сю сторону Урана! — За нимъ еще пылающъ Сиріусъ, Вега, Аркшуръ, огромнѣйшія солнца, и нѣсколько милліоновъ солнцевъ (*). Но говоря даже нѣсколько милліоновъ, не должно

(*) Ибо математически доказано, что неподвижныя звѣзды суть солнца; и доказано такъ:

По необъянному разстоянію своему отъ нашего солнца, звѣзды сіи не могли бы принимая отъ него свѣтъ, досылать его до насъ. Сей свѣтъ такъ уже слабъ, когда возвращается отъ къ намъ отъ Урана, что мы не можемъ видѣть сей планеты иначе, какъ въ телескопъ; а Уранъ отстоитъ отъ солнца только на 755тъ милліоновъ. Свѣтъ солнечный долженъ бы былъ совершить путь сей, (755тъ милліоновъ миль,) болѣе милліона разъ, для освѣщенія ближайшей къ солнцу звѣзды, и еще такой же путь, при отраженіи на землю. Онъ былъ бы, следовательно, ослабленъ въ два милліона разъ противъ Урана; и потому сталъ бы въ два милліона разъ невидимъ невооруженному глазу; а мы видимъ сіи звѣзды; видимъ какъ не можемъ видѣть Урана, т. е. безъ телескопа. И потому на-вѣрное заключаемъ, что отъ блистая собственнымъ свѣтомъ, суть солнца.

забыть, что лучший доселъ телескопъ, такъ намъ показываетъ; а можетъ быть ихъ милліоны милліоновъ или лучше, такой щетъ, который у насъ иначе не можетъ быть и названъ, какъ безчисленностью. — Кто ограничитъ власть Божию? — Сія за Украинскія солицы, вѣроятно, пылаютъ тоже не напрасно, и вокругъ нихъ обращаются, безъ сомнѣнія, столькоже милліоновъ, такихъ же планетныхъ системъ, какъ и наша. — И такъ вотъ куда собрался ты проглянуть сквозь эту жалкую скважину, которую называешь своей трубою! — Тысячи милліоновъ планетныхъ системъ, съ міриадами своихъ обитателей, совершаютъ въ семь небеси небесъ путь свой, для того только, чтобы повѣдать славу Божию! — Что значаешь, въ сей немыслимой безконечности, твои и всѣхъ другихъ подсматриванія, подслѣпнымъ глазомъ кроша обзирающія билліонный кружечекъ сей чудесной бездны красотъ, величія и славы! — Ежели хочешь ты, на горошенкѣ своей, быть дѣйствительно полезнымъ; то послушайся меня — (казалось мнѣ продолжалъ паукъ), — оспавь паушину мою въ покоѣ, закрой опять косякъ, снятый побою съ трубы и подойди къ бюсту Невтона, который стоишь на шкапѣ своемъ противъ Кепле-

рова; изучи у подножія сего великаго чловѣка истинныя его понятія о мірозданіи; узнай, что онъ не такъ думалъ о немъ, какъ огласили то люди, послѣдовавшими его себя ложно именующіе. — Открой сію истину современникамъ твоимъ; искупи память мужа благочестиваго и подлинно славнаго, отъ нечестиваго нареканія въ томъ что, будто бы онъ основалъ такую систему міра, которая движется слѣпыми, механическими силами. — То ли ты мнѣ хотѣлъ сказать паукъ? — Онъ молчитъ; а кто молчитъ, тотъ соглашается. — Я закрылъ трубу — пошелъ къ Невпонову шкапу, рылся въ книгахъ, читалъ, перечитывалъ, дѣлалъ замѣтки, и карандашемъ и загибал листы; выписывалъ, переводилъ, и — вотъ что сошпавилось.

(До слѣдующей книжки.)

АННА МАРГАРЕТА ЦВАНЦИГЕРЪ.

Истинное происшествіе.

(Окончаніе.)

Анна Маргарета Цванцигеръ была 50 лѣтъ когда попала въ руки правосудія. Росшу она

была малаго, худощава и неуклюжа; блѣдное, шощее лице ея, покрытое морщинами, носило оппечатки сладострастной жизни; изъ глазъ смоіпрѣло какое-то чувство ненависти и зависти; и въ то время какъ на устахъ безпрестанно показывалась улыбка, равнодушіе изображалось въ чертахъ лба. Въ обхожденіи была она до чрезмѣрности учлива и льстлива, но припомъ съ нѣкотораго рода кокетствомъ. Желаніе нравиться мужескому полу не оставляло ее даже и въ темницѣ; и судѣ, допрашивавшему ее, и приобрѣтшему хорошимъ обхожденіемъ съ нею ея довѣренность, говорила она однажды, чтобы онъ не заключалъ изъ ея насмѣющаго вида о прежней красотѣ; что она была прежде прекрасна собою, очень прекрасна.

Цванцигеръ родилась 1760. года 7. Августа (въ собственныхъ своихъ запискахъ однакоже дѣлаетъ она себя чепырема годами моложе) въ Нюрнбергѣ, въ пракпирѣ чернаго креста, принадлежавшемъ опцу ея, Шенлебену. Черезъ полтора года лишилась она опца, а на пятомъ году опъ роду единственнаго брата и мапери. Сначала взяла ее къ себѣ одна пожилая дѣвица въ Нюрнбергѣ; опъ шуда черезъ 2 или 3 года перешла она къ теткѣ своей въ мѣстечко Фейхтѣ, копорая была ей по

словамъ ея вшорою маперью; опъ сюда года черезъ два возвратилась въ Нюрнбергъ къ одной вдовой паспоршъ; наконецъ лѣшъ десяти взялъ ее опекунъ ея, богатый купецъ, къ себѣ въ домъ. Опекунъ далъ ей не простое воспитаніе; кромѣ закона Божія и кромѣ женскихъ работъ, въ копорыхъ она достигла до значительной степени совершенства, училась она въ домѣ его читать, писать, Арифметикѣ и Французкому языку.

Едва достигла она 15 лѣшъ, какъ опекунъ назначилъ ей женихомъ Цванцигера, бывшаго послѣ Нотариусомъ. Она не любила этого человека и долго уклонялась опъ него. Наконецъ однакоже убѣжденія опекуна превозмогли и она на 19^{томъ} году вышла за Цванцигера замужъ. —

Насильно соединенная съ мужемъ, копорого она »какъ дышя розги« боялась, не привыкши къ ограниченной и тихой жизни, въ копорую перешла изъ жизни веселой и шумной, принужденная жить большею частью уединенно, ибо мужъ либо заняшъ былъ своею должностію, либо пилъ въ бесѣдѣ друзей: она сначала старалась убивать скуку чтеніемъ книгъ. »Первая книга, какую я читала была: Справданія Вершера. Эта книга такъ сильно на меня подѣйствовала, что я безпрестанно поч-

ни плакала за нею. Если бы у меня былъ тогда писполешъ, я бы также заспрълилась. Послѣ этой книги чпшала я Памелу и Эмилию Галопши.» Такъ она сама говорила.

Но вотъ настало время, когда ей спали наскучивашъ уединенныя развлеченія. Къ шому присоединилось, что опекунство надъ нею было передано ея мужу. Мужъ, не умѣя сдѣлать изъ имѣнья лучшаго употребленія, пошелъ давалъ обѣды, вечера и жить очень весело, въ чемъ и супруга спала принимать охотно участіе. Стали посѣщать балы, редуты, музыкальныя собранія, и провели такимъ образомъ нѣкоторое время въ пріятнѣйшемъ забвеніи. Но лишь нѣсколько лѣтъ среди шумнаго веселія и беззаботныхъ радостей успѣли пропечь, какъ увидѣли супруги, что все имѣнье ихъ разпчено. Недоспашокъ, нужда и на конецъ голодъ поселились въ домѣ. Заботы о двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ и о поддержаніи собственнаго бытія снова поселили шску и скуку въ сердцахъ супруговъ. Мужъ, прежде не рѣдко утолявшій жажду свою дешпью бумылками вина въ день, спановился все неспносе и неспносе для жены, когда уже неимѣлъ средствъ находить такое развлеченіе. Почипательница Памелы, плакавшая при чпеніи спраданій Верпера, спала наконецъ для поправленія раз-

спроеннаго состоянія — торговать своею особою. »Однакоже я имѣла сполько деликатности, говорила она, что придерживалась особъ хорошаго состоянія, которые не любили объ этомъ болтать. И я имѣла щастіе, что за любовь мою многія благородныя особы оказывали намъ вспомошествованіе.»

Года черезъ два какъ-то черезъ лотерею состояніе супруговъ поправилось. Но занятіе, которое до сихъ поръ какъ бы изъ нужды производилось, спало теперь продолжаться просто изъ удовольствія и привычки. Между прочими связями была замѣчательна связь ея съ Поручикомъ фонъ Б., которая вскорѣ произвела сильный раздоръ между супругами. Цванцигеръ оставила мужа и отправилась жить къ сестрѣ любовника въ Вѣну. И хотя черезъ нѣсколько время по желанью мужа возвратилась въ Нюрнбергъ, но по пріѣздѣ туда, побуждаемая любовникомъ подала прозьбу о разволѣ. Черезъ нѣсколько времени разводъ состоялся; но едва лишь о томъ было объявлено, какъ Цванцигеръ снова помирилась съ мужемъ, и снова вѣнчалась съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ она, жили они щастливо до самой смерти Цванцигера; ибо онъ по словамъ ея былъ человекъ благомыслящій и имѣлъ чувствительное сердце.

21. Генваря 1796. года, на 18. году брака, Цвайцигеръ умеръ. Съ сихъ поръ жизнь Цванцигеръ сдѣлалась смѣсью несчастій, безумія, пороковъ и пресупленій. Собравъ остатокъ имѣнія своего, состоявшій изъ 400 флориновъ, она поѣхала въ Вѣну, гдѣ хопѣла прокармли-
ваться кондиторскимъ ремесломъ. Но не имѣя въ томъ удачи, служила послѣ домоводкою въ разныхъ домахъ. Вошла въ связь съ однимъ писаремъ Венгерской Канцеляріи, имѣвшимъ «доброе сердце», родила, и опдала дитя въ воспитательный домъ; дитя вскорѣ умерло и она опять отправилась въ Нюрнбергъ.

Здѣсь она не намѣрена была долго жить. Но однажды навѣспилъ ее Баронъ фонъ В., обѣщавъ бытъ ея покровителемъ и предложилъ ей «дружбу и любовь» свою. Она тотчасъ замѣнила, что Баронъ человекъ «весьма благородный.» Наняла себѣ компаніу и была, по словамъ ея, часно посѣщаема Барономъ, какъ другомъ. Баронъ вспомошествовалъ ей деньгами и, не подвергая опасности ея добродѣтели, служилъ ей всегда руководителемъ къ добру.» Припомъ занималась она дѣланьемъ куколъ.

Мѣсяца съ три продолжалась эта связь, какъ Министръ Резиденціи фонъ К. въ Франк-фуртѣ предложилъ ей у себя мѣсто домоводки.

Баронъ, покровитель ея, не препятствовалъ ея щасію, и она, принявъ отъ него 100 фл. въ подарокъ, отправилась къ мѣсту назначенія своего. Но отсюда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять опошла. Наняла себѣ комнатку у фризера, опредѣлилась потомъ нянькою въ одномъ обществѣ Англійскихъ Волпижеровъ, черезъ недѣлю ушла отъ нихъ съ дороги, когда они было отправились въ Бамбергъ, возвратилась опять во Франкфуртъ къ фризеру и наконецъ принята изъ состраданія однимъ купцемъ на короткое время въ няньки. Всѣ сіи обстоятельство весьма сильно подѣйствовали на ея характеръ, не могшій сносить униженія. Она была иногда какъ бы помѣшана, то плакала, то смѣялась, то принималась молиться, сама не зная часно что дѣлала.

Въ такихъ обстоятельствахъ отнеслась она письменно къ другу своему Барону фонъ В. въ Нюрнбергъ, который и въ самомъ дѣлѣ предложилъ ей снова свое покровительство. Она возвратилась въ Нюрнбергъ и была принята Барономъ весьма радушно. »Но къ величайшему моему удивленію, говорила она, замѣтила я большую перемену въ его правахъ. Онъ, человекъ женатый, сдѣлался вдругъ необыкновенно вольнымъ и неопвязчивымъ, сталъ обнаруживать самыя легкомысленныя намѣ-

ренія, и наконецъ до такой степени забылся, что я снова получила надежду быть матерью. « Баронъ узнавъ объ этомъ сдѣлался примѣрно холодною. Посѣщенія его были уже рѣже; и скоро дошла до нее ужасная вѣсть, что одна актриса имѣла большую власть надъ сердцемъ Барона, нежели она. Извѣстіе это имѣло, какъ говорила она, несчастное вліяніе на недавною ее беременность — которую впрочемъ, можешь быть, выдумала, чтобы имѣть утвердить нѣсеннѣйшую связь свою съ Барономъ. На другой день велѣла она принести себѣ ланцетъ и въ опочивальнѣ пустила кровь изъ обѣихъ рукъ; но ей помѣшали и она не могла выпустить больше чайной чашки. Хозяинъ дома тотчасъ пошелъ къ Барону фонъ В., рассказать ему намѣреніе Цванцигеръ лишить себя жизни, и убѣдилъ его навѣстить своего женскаго Вертера. Баронъ явился, — но не съ покаяніемъ, а смѣясь надъ безумною, которая какъ бы безъ намѣренія оставила на виду чашку съ кровью. Пылая мщеніемъ собралла она тотчасъ всѣ письма любовника и опослала ихъ къ женѣ его. Потомъ взявъ съ собою книжку: «Зигвартъ», пошла съ служанкою своею къ рѣкѣ Пегницъ, въ намѣреній, какъ говорила, утопиться. На крутомъ берегу елсьла она и спала читая Зигварта, и дочи-

навать до пѣсни: *Mein Leben ist so traurig* и пр., бросилась въ рѣку. Но находившіеся вблизи два рыбака поспѣхъ ее выплести безъ всякаго вреда и только съ промокшимъ плащомъ. Тотчасъ принесено было сухое платье, а мокрое, какъ доказательство впорой попышки къ самоубійству, опнесено Барону фонъ В., который однакоже, давъ 25 фл. служанкѣ, принесшей платье, велѣлъ ей сказать своей повлишельницѣ, чпобы она не мѣшая долго поспаралась оппразниться какъ можно подальше отъ Нюрнберга. Опчальная любовница въ самомъ дѣлѣ въ ту же ночь, и не заходя даже домой, уѣхала въ Регенсбургъ.

Сему жестокосердому поведенію Барона приписываетъ Цванцигеръ ненависть и злобу, копорую она съ пѣхъ поръ спала пишать къ роду человѣческому. »Баронъ фонъ В. сдѣлалъ мое сердце такимъ злобнымъ,« говорила она при допросѣ; »онъ всему причиною. Когда я въ Нюрнбергѣ опворила себѣ жилы, то онъ, видя кровь, только смѣялся. И когда я ему говорила, что онъ уже однажды сдѣлалъ несчастною одну дѣвушку, копорая вмѣстѣ съ ребенкомъ отъ него рожденнымъ, бросилась въ рѣку, то онъ также смѣялся. Ужасно было тогда въ груди моей, и всякій разъ, съ пѣхъ поръ, когда я дѣлала чпо нибудь злое, думала

я сама въ себѣ: къ тебѣ никто не имѣлъ со-
спраданія; не имѣй же и ты соспраданія, когда
другіе несчастны.»

Изъ Регенсбурга послѣ кратковременной
болѣзни отправилась она опять черезъ Вѣну
въ Нюрнбергъ, а опѣтуда въ Тюрингію, и
вскорѣ въ 1804. году опредѣлилась въ домъ
Камергера фонъ С. въ Ваймарѣ горничною дѣв-
кою. Служба въ семъ домѣ была, по словамъ
ея, очень тягостна и не приносила ни какой
выгоды; по сему она, наскучивъ ею скоро, рѣ-
шилась тихонько оспавить се, взявъ припомѣ-
ть съ собою »вознагражденіе«. »Намѣреніе мое,
разсказывала она, удалось прекрасно. Господа
сидѣли за столомъ; а мнѣ вѣрно было играть
съ ребенкомъ, чѣмбы онъ не плакалъ. Я
пошла съ нимъ въ комнату, гдѣ стоялъ круг-
ленькій столикъ съ ящикомъ. Въ ящикѣ кромѣ
перстня лежало нѣсколько жемчужинъ, драго-
цѣнныхъ камней, серегъ и другихъ дорогихъ
вещей. Гдѣ такія вещи, подумала я, остав-
ляющъ дѣшья на игрушки, шамъ мало забо-
пяща обѣ нихъ, а по бы ихъ спрятали.
Дѣшья спало играть коробочкою, въ которой
лежалъ перстень, и бросало ее въ разныя сто-
роны. Оно само положило мнѣ ее попомѣть въ
руку; я раскрыла коробочку и перстень мнѣ
бросился въ глаза; шумъ шочно какъ будто

миѣ кто нибудь сказалъ: возьми его! я послѣдовала внушенію, положила диня спать и ушла, пока еще Господа сидѣли за столомъ, изъ-дому и изъ-городу.» Это происшествіе рассказано впрочемъ иначе тѣми у которыхъ украденъ перстень. По ихъ словамъ перстень былъ запертъ въ письменномъ столѣ, онъ котораго ключъ обыкновенно находился въ коробочкѣ Госпожи дома вмѣстѣ съ приборами дамскихъ работъ.

Цванцигеръ пришла въ Майнбернгеймъ къ зятю своему, переплетчику Зауеру. Но черезъ три дня попался сему послѣднему газетный листокъ, въ которомъ объявлялось, что Цванцигеръ украла брилліантовый перстень. Зять поспѣшь предложилъ ей, чтобы она оставила его домъ; и она въ тотъ же день отправилась въ Вирцбургъ. Отсюда написала письмо къ Каммергеру фонъ С., въ которомъ упрекала его, что онъ объявленіемъ своимъ ввергнулъ ее въ несчастіе. Вскорѣ потомъ рѣшилась она освободиться отъ имени, бывшаго уже для нее позорнымъ клеймомъ, и назвала себя: Шенлебенъ.

Подъ симъ именемъ она нѣсколько времени странствовала съ мѣсна на мѣсто по Франконіи, стараясь вездѣ имѣть обхожденіе съ людьми высшаго и образованнѣйшаго класса.

Наконецъ въ 1805. году объявила себя, прѣхавши въ Неймарктъ, городокъ въ верхнемъ Палаатинатѣ, учительницею дѣвицъ въ женскихъ работахъ. Здѣсь приобрѣла она прилежаніемъ и благоприспѣйнымъ поведеніемъ своимъ всеобщее уваженіе, что и тамошнее мѣстное Начальство засвидѣтельствовало. Но случилось, что одинъ Генералъ Н. Н. изъ Мюнхена жилъ нѣкоторое время въ Неймарктѣ. Цванцигеръ какъ-то привлекла къ себѣ преснарядаго Генерала. Генералъ вошелъ съ нею въ очень тѣсную связь и далъ ей слово имѣть объ ней попеченіе. Тутъ пробудились въ воспоминаніи ея прекрасныя пропекшія времена, »когда еще знатные люди были ея покровителями«; пробудилось желаніе возобновить прошедшее; и вскорѣ увлеченная надеждами хотѣла она уже переселиться въ Мюнхенъ. Но на письмо, которое написала она тогда къ Генералу, небыло отвѣта. Она еще разъ написала, при чемъ увѣдомляла его, буди бы была беременна; но вмѣсто отвѣта переслана къ ней небольшая сумма денегъ съ совѣтомъ не беспокоить Генерала. Однакоже она не лишилась надежды, и не смотря на то, что въ Неймарктѣ цѣлый годъ имѣла безбѣдное и достаточное содержаніе, отправилась въ Мюнхенъ, чинобы лично представиться Его Превосходн-

тельснву; но не была допущена. Изъ Трактира написала она къ нему письмо; но черезъ служителя его получила въ отвѣтъ нѣсколько денегъ на дорогу и изустный совѣтъ, не обременять никогда болѣе неопвязчивостью своею Его Превосходительства. Принужденная такимъ образомъ оставить Мюнхень, она спростовала еще нѣсколько времени съ мѣста на мѣсто, пока наконецъ въ 1807 году прибыла въ Пегницъ, гдѣ, какъ мы видѣли, вскорѣ начала свои преступныя дѣла.

Когда, какъ, по какому побужденію, вдругъ ли, или поспешенно пробудилась въ ней мысль, мстить нечувствительнымъ къ спрашнямъ ея и пошому ненавистнымъ ей людямъ посредствомъ оправлений, — не видно изъ ея признаній. Рѣшительно только видно изъ всѣхъ словъ и поступковъ ея, что не какіе-либо опредѣленные виды побуждали ее къ преступленіямъ; изъ всѣхъ словъ и поступковъ ея видно, что одно господствующее чувство сдружило ее такъ тѣсно съ лдомъ, — радостное чувство неодолимаго могущества, съ какимъ она могла, когда угодно, ниспровергать всякое ограниченіе, достигая всякой цѣли и, располагая участію и бытіемъ людей, какъ бы разрушительно вмѣшиваясь въ предначертанія судьбы, споль немилосердой къ ея требо-

ваніямъ, радостное чувство, что могла и людей заставлятъ переносить мученія, съ которыми она можетъ быть сравнивала муки, какія сама принуждена была претерпѣвать, когда люди оспавались нечувствительными къ бѣснованію необузданныхъ свираспей ея. Ядъ былъ для нея магическимъ скинпиромъ, посредствомъ котораго она невидимо располагала судьбою пѣхъ, коимъ видимо должна была служить. Ядъ былъ для нее волшебнымъ жезломъ, копорымъ отворяла она себѣ золотые врата послѣднихъ надеждъ. Пылая мстью къ людямъ, которыхъ холодность почитала единственною причиною низведшею ее на степень обыкновенной служительницы, она наслаждалась сознаніемъ, что ядъ возводитъ ее на степень ужасной высоты, сознаніемъ, что могла, какъ враждебное божество, какъ Ангелъ смерти и мученій, ходить посреди ненавистнаго рода и тайною силою обрекать его въ жертву здѣсь смерти, тамъ мученіямъ и болѣзнямъ. Ко всему служилъ ей ядъ, какъ самое послушное орудіе. Ядъ показывалъ всякое дѣйствительное и мнимое оскорбленіе, всякую насмѣшку; ядъ останавливалъ посѣщеніе непріятныхъ гостей; ядъ нарушалъ удовольствіе людей, если она того хотѣла; ядъ давалъ ей случай, показывая себя на словахъ и на дѣ-

лахъ, состраданельною къ больнымъ; ядъ былъ средствомъ вводить невинныхъ въ подозрѣнiе, если они возбуждали ея ненависть; ядъ могъ заставить кричать и мучиться ребенка и могъ заставить опца думать, что дитя спрдаетъ поскою по возлюбленной нянѣ. Если льстила ей надежда быть любимою женопынѣ человекомъ, то спойло только захопѣшь, и жена нисходила въ могилу; завидовала ли она судьбѣ невесты — то напрасно мѣнялись обручальныя кольца, ядъ предупреждалъ свадебное торжество. Оправленiе наконецъ сдѣлалось для нея обыкновеннымъ дѣломъ, которымъ занималась она какъбы для забавы, а въ послѣдствiи и со спраспью, не сполько изъ послѣдствiй, сколько изъ любви къ самому яду, не сполько для того, чтобы оправливать, сколько для удовольворенiя неодолимой жажды, для доставленiя себѣ сладчайшаго удовольствiя видѣть, какъ сильно ея возлюбленное орудiе. Привычка обхожденiя съ ядомъ, вѣрная служба его какъ бы сердечною любовью соединили ее съ нимъ; ядъ казался ей послѣднимъ вѣрнымъ другомъ ея, къ которому она чувствовала непреодолимое влеченiе и съ конорымъ не могла ни какъ быть разлученною. Ядъ былъ ея безпрестаннымъ спутникомъ; съ ядомъ въ карманѣ и

она въ руки правосудія; и, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, съ радостію во взорахъ, какъ спрастно любимого любовника, долго бывшаго въ разлукѣ съ ней, увидѣла она опять арсеникъ. Когда ей въ Кульмбахѣ показали арсеникъ найденный прежде у нея, то, какъ замѣчаютъ судья бывшій при слѣдствіи, она, казалось, дрожала отъ радости; глаза блистали восхищеніемъ, и, казалось, она сморгнула на бѣлый порошокъ, какъ на существо, которое готова была обнять и прижать къ груди. Эта спрастная любовь объясняетъ, какъ она могла даже въ то время, когда ей уже извѣстно было рѣшеніе участи ея, въ письменныхъ признаніяхъ говорить о дѣлахъ своихъ какъ о «незначительныхъ прослупкахъ», называвъ несправедливыми людей, ввергнувшихъ ее за такіе незначительные прослупки въ погибель, и даже ссылались на свою «чрезвычайную религіозность.» Юня 7. 1811. года рѣшилъ Королевскій Апелляціонный судъ Майнскаго округа въ Бамбергѣ:

»Лишить Анну Маргарету Цванцигерь жизни мечемъ, и попомъ пѣло ея положити на колесо.«

Съ симъ рѣшеніемъ согласился Королевскій Верховный Апелляціонный судъ 16. Августа. Король утвердилъ оба сіи рѣшенія,

съ шѣмъ однакоже, чпобы по совершеніи казни не клали шѣла ея на колесо.

Безъ видимаго движенія прослушала Цванцигеръ свой смерпный приговоръ и твердою рукою подписала составленный по сему случаю прошоколь. Въ совершенномъ спокойствіи прожила и при дни кѣпорые ей еще были дарованы. Она сама признавалась въ это время судѣ, чпо смерпъ ея есть благодѣяніе для людей; ибо она уже не въ силахъ бы была оспавить оправительство. За день до казни писала она еще въ присуствіи судьи письмо къ одной кумѣ въ Нюрнбергъ, благодарила ее за дружбу, просила у ней прощенія и учаспіа, препоручала ей поклониться нѣсколькимъ особамъ, и заключила письмо слѣдующими словами: »я должна умереть; скоро часъ ударишь, когда мои спраданія прекращаются. Молись всѣ за меня. 17 Септября есть день мой смерпи, когда я получу опъ Бога, чего заслуживала за дѣла мои. Теперь я переспая бышь для сего міра!« Судью уголовного просила чпобы онъ позволилъ ей, за челоѣколюбивое обхожденіе его съ нею, явиться ему послѣ смерпи въ видѣ духа. И въ самой день казни оспавалась она совершенно спокойною. Съ величайшимъ равнодушіемъ и безъ слезъ слушала публичное чпеніе своего смерпнаго приговора,

и только, кажется, изъ спыда передъ неизмѣримою полною народа закрыта во время чтенія лице плапкомъ. Наконецъ когда былъ переломленъ надъ нею жезлъ, она проспиалась съ судьею и палачемъ, какъ бы въ обыновенномъ собраніи, учпивымъ и ловкимъ наклоненіемъ и — подклонила голову подъ мечъ палача. —

(Взято изъ: *Aktenmäßige Darstellung merkwürdiger Verbrechen*, 1. Band, Фейсрбаха.)

ГЕРМАНЪ и МАРГАРЕТА.

(Эстляндская повѣсть.)

(Окончаніе.)

Маргареша.

Но, льстивую мечшой

Ослѣплена, я забывала

Что рыцарь ты, весь міръ земной

Въ шебѣ я пищенно зрѣть мечпала.

Разбросишь ночь ли мрачну пѣшь,

Къ шебѣ душа моя ласгѣла;

Взойдешь ли упромъ красный день,

Лишь пивой я всюду образъ зрѣла

Мечна! и часть топть роковой

Ты позабылъ, и по мгновенье,

Когда въ восторгъ и въ забвеньѣ

Клялись взаимно мы съ тобой.

Любовь и кляпны забываешь!

Тебѣ милый кровавый бой! .

Но, Германъ! ты мнѣ не внимаешь

Германъ.

О Маргареша! Богъ намъ щнишь!

На брань иди миѣ оиъ велиишь!

Не здѣсь — по тамъ нашъ часъ свиданья!

Тупы дѣвы слезы и рыданья,
 Прервали рѣчь. Какъ смерти блѣдна,
 Едва дыша, ему она
 Съ улыбкой скорбой отвѣчала:
 » Труба ко брани прозвучала,
 Пробилъ разлуки горькій часъ!
 И такъ спѣши на бранно поле
 Удѣлъ мой смерти, проклятыя гласъ.
 Не узришь Маргарету боль.
 Въ объятыхъ смерти на бою,
 Средь спроевъ буйныхъ, испуганныхъ.
 При видѣ труповъ искаженныхъ,
 Воспомяни судьбу мою!« —

Германъ.

Роптанье, Маргарета, грѣхъ,
 Припомни другъ мой: лишь на нѣхъ
 Богъ испытанье посылаетъ,
 Кому блаженство назначаетъ.

Помчась по волѣ Скакуна,
 Угрюмый Германъ молчаливый,
 Лепишь, куда зоветъ война.
 Его ждетъ строй нетерпеливый.
 За нимъ клубится пылъ столбомъ;
 Пернатый шлемъ его сверкаетъ;
 Луна на панцырь спальный
 Лучами яркими играетъ.
 На бѣлой эпанчѣ звезда,
 Подъ нею крестъ мечей багровыхъ,
 Символъ поборниковъ Христа,
 За вѣру кровь пролилъ гонимыхъ.

Война для Рыцаря забава;
 Онъ жаждетъ бури грозныхъ сечъ;
 Его Кумиръ опчины слава;

Его Краса булатный мечъ!
 Но Германъ въ буряхъ боевыхъ,
 Ужъ не за славою лещаешь,
 Въ кругу сподвижниковъ своихъ
 Лишь образъ дѣвы онъ встрѣчаетъ,
 Не прояснится мрачный взоръ
 Среди побѣдныхъ восклицаній;
 Ее лишь слышитъ онъ укоръ,
 Среди буйныхъ братій ликованій!
 И онъ дышалъ войной, — и онъ,
 Опасность битвы презирая,
 Летѣлъ, куда звалъ трубный зовъ,
 Грозой какъ пуча громовая.
 Но та пора уже прошла,
 Какъ стѣчу починалъ забавой,
 Какъ онъ въ игрѣ любилъ кровавой
 Бросать пропивинка съ сѣдла! —
 Разказовъ спарины съдой,
 Про вылазки ночной порою,
 Не внемлетъ онъ; изъ круговой
 Лишь плетъ съ поникшею главою.
 И часто съ изумленьемъ зрѣтъ,
 Оруженосецъ постарѣлый,
 Какъ съ думой тяжкой онъ сидитъ,
 Какъ бы опшележникъ посѣдѣлый,
 Какъ иногда вокругъ него,
 Бойцевъ все пѣнье оглашаетъ,
 А онъ лишь вздохи непускаетъ,
 Не зрѣтъ, не внемлетъ ничего! —

Все мертво, все обаяно мглою;
 Лишь башни съ гуломъ переходящъ
 Кликъ спражи въ Вендегъ порой;
 И лишь Копрадъ по замку бродитъ,
 И мыслитъ: цѣль моя близка!
 Рассѣвъ Снншена войска,

Законы ордену нпые,
 Свои я собственныя дамъ;
 Всѣ предразсудки прочь пустые!
 Примѣръ ко браку буду самъ.
 О Маргарета! пѣшь, иногда
 Ко мнѣ жестока такъ не будешь,
 Такъ непреклонна и горда!
 Тогда о Германѣ забудешь. —

Вопѣ къ двери онъ идетъ одной . . .
 Вонъ близъ нее, и вновь отходитъ,
 И взоръ смущенный вкругъ обводитъ . . .
 Къ пружинѣ робкою рукой
 Коснулся онъ . . . дверь отворилась
 И онъ предъ дѣвой молодой
 И — сердце гордое спѣшилось.
 То Маргарета. — здѣсь она
 Плещенымъ юною красою
 Власпителемъ заключена.
 Какъ цвѣтъ, взлетѣнный весною,
 Предъ нимъ она сияетъ; и очи
 Горятъ какъ звѣзды полуночи,
 И пышныя ея красы
 Какъ свѣтлый день весны сіяютъ,
 И гордое чело власы
 Какъ зависеть славу обвиняютъ. —

Какой былъ съ дѣвой разговоръ,
 Никто не слышалъ и не знаетъ;
 Но мессію Конрада взоръ,
 Какъ раскаленный уголь сверкаетъ.
 Невняшно, глухо шепчетъ онъ:
 Бракъ тайный съ Германомъ! о! мщеніе
 Изобрететъ для васъ мученье,
 И сладокъ будетъ мнѣ вашъ спомъ! . . .

Покинувъ брань, поля родныя
 Эрцъ-Биспоу, гордый власпелинъ,

Направляя бѣгъ въ спраны чужія! (*) —
 Гохмейстеръ рыцарскихъ дружинъ,
 Конрадъ, победу торжествуетъ,
 И съ нимъ весь ратный спрой ликуетъ.
 И чаша свѣтлаго вина
 Бойцевъ обходитъ круговая.
 Но гдѣ же Германъ? гдѣ она,
 Его подруга молодая?

*

*

*

За вѣкомъ вѣки протекли,
 И все унылой чередою,
 Въ рѣку забвенья увлекли
 Неумолимою рукою.
 Однѣ, свидѣтели нѣмые
 Ихъ казни, башни вѣковыя
 Еще сползть. (**) Изъ устъ въ уста
 По старцамъ вѣсть промчалась ша;
 И скорѣ башню роковую,
 Назвали Германомъ они,
 И Маргаретою другую,
 И на память горестной любви. —

Р. ф. Бергъ.

Изъ переписки Ж А Н - П О Л Я Р И Х Т Е Р А съ

ХРИСТИАНОМЪ ОТТО.

(Продолженіе.)

Веймаръ 27. Генваря 1799.

Шиллеръ чрезвычайно уважаетъ ужаснаго Retif de la Bretonne, которъ сочи-

(*) Въ Любекъ. (**) Въ Ревель.

нить адски-прекрасную книгу *le coeur humain dévoilé*. Онъ хочетъ ѣхать въ Парижъ по-
могнѣть его.

2. Февраля.

Къ полудню обращена теперь моя вино-
градная гора, или гора Музъ; я читаю Гомера
и Трагиковъ, съ неизъяснимымъ восхищеніемъ.
Софоклъ есть (исключая Шекспира) семизвѣз-
дѣ (онъ и написалъ только семь пѣснь), а по-
выйшіе — шуманныя звѣзды. Впорая часть
Валленштейна была представлена съ величай-
шею пышностью. Онъ превосходенъ, довольно
скученъ и — ложенъ. Прекраснѣйшій языкъ
— сильныя поэтическія мѣста — нѣкоторыя
хорошія сцѣны — недоспапокъ характеровъ
— недоспапокъ непрерывнаго дѣйствія — на-
пязки — шрякая занимательность — и
нѣтъ заключенія. Третья, еще неоконченная,
часть есть хвостъ у позвоночнаго сполба вино-
рой. —

Веймаръ 1. Марта.

Ты говоришь, чтобы я берегъ жизнь; час-
то хотѣлось бы мнѣ, не имѣть ее болѣе. —
Именно потому, что все мнѣ удается, еже-
дневно спановится мнѣ жизнь принориѣ;
жена былабы еще единственнае лекарство. —
Иногда горюю я, что погибло мое прошедшее

посреди всѣхъ моихъ погдашнихъ отношеній, горюю объ облачномъ юношескомъ моемъ, которое изказили окружавшіе меня негодяи, и копорой мнѣ никакое божество не можетъ возвращить. Ахъ! какое сѣмя райское носилъ я въ сердцѣ моемъ, и какъ мало оставили мнѣ хищныя птицы!

Лично я не чувствую ничего противъ рецензентовъ, потому что они меня теперь также не ограничено хвалятъ, какъ прежде хулили. Во Франкфуртской газетѣ помѣщены вдругъ двѣ рецензіи на меня; объ онѣ объявляютъ меня гениемъ, который лишается достоинства повинаясь правиламъ Аристотелевымъ. Это крипическое мелочничество досаждаетъ мнѣ. — Гердеръ писалъ намъ ихъ у Герцогини для шулки. —

Гильдбурггаузенъ 24. или 25. Маія.

Я часто переписывался уже съ одною Каролиною фонъ Ф., копорая теперь здѣсь и къ копорой я общалъ придти (не думай однакожь чтобы здѣсь было чтонибудь важное, что бы дѣло шло о невѣстѣ). Она благородная, глубоко чувствительная, мужественно-твердая, постигнувшая судьбою, довольно красивая дѣвушка; прислала мнѣ сипоэтированную

образъ и станъ свой съ цвѣточною цѣпочкою (послѣдняя опредѣлена была опутать меня), изъ чего я поспѣхъ заключилъ, что она вѣрно была при дворѣ. Неприятно — впрочемъ собственно нѣтъ никакой неприятности —, что она такъ игрива и легка на словахъ и такъ серьезна на письмѣ. Она живетъ съ маперью, сестрою и братомъ, и я обыкновенно тамъ сижу, когда не бываю при дворѣ, что исключая обѣды, очень часто бываетъ.

Вообрази себѣ, наживописуй себѣ небесную Герцогиню — все лицо исполненное любви, красоты и юности — съ маперинскимъ сердцемъ. Потомъ представь себѣ еще прекраснѣйшую сестру ея, Княгиню Сольмсъ, и сполькоже какъ она добрую — потомъ претью сестру, Княгиню Турнскую (опѣ описанія мужчинъ избавь меня). — Онѣ всѣ чипаютъ меня опѣ-сердца, и хопятъ полько, что бы я оспался еще недѣлю, и дождался возвышенной, прескрасной четвертой сестры, Королевы Прусской. Герцогъ (онѣ чрезвычайно добросердеченъ) сначала мало обращалъ вниманія на меня; однако теперь очень ко мнѣ расположенъ, и замѣнилъ, что я взять мало спаржи. Вчера я передъ дворомъ фаншазировать на фангелѣ. Ты пугаешься; но я уже

года съ полпора какъ фанпазирую, поспешенно — передъ Глеймомъ, Вейсе, Гердеромъ, Герцогинею маперью.

Здѣсь изучаю я придворные обычаи для своихъ біографій.

Веймаръ 22. Августа.

15. сего мѣсяца позвала меня Тайная Совѣтница Коппенфелсъ на чай и вручила мнѣ декретъ опъ Герцога Гильдбурггаузенскаго, который меня возводитъ не менѣе какъ въ чинъ Легаціонрапа.

Гильдбурггаузенъ 27. Октября.

К. Ф. Ф. теперь мнѣ глубже извѣстна; еще ни въ одной женской душѣ не находилъ я эпой возвышенной, строгой, неупоминельной релегіозной нравственности, непоколебимо и не подкупно разпроспиряющей на малѣйшія отпрасли. При ея нравственной тонкости чувствуюсь, что долго жилъ въ Веймарѣ. Если бы я съ нею соединился, то она очистила бы все до малѣйшаго пятнышки во всемъ моемъ существѣ. Она читаетъ не для того только, чтобы, какъ прочія дѣвушки, наслаждаться шалѣемъ на языкѣ сенсшмен-

пальной манны, но и для того чтобы научиться, напримеръ Истории человѣческой и естественной Истории; у ней есть почти полный гербаріумъ и собраніе замысловато-наклеенныхъ цвѣтѣвъ. Съ проглательнымъ вниманіемъ слушаетъ она, когда я съ другими говорю о воспитаніи. Тебя она любитъ искренно какъ и Гердера. Печать приво-
обрадовала ее и она ее не сломала. Она пишетъ списки; и поэтому не можетъ забыть сапиры на женскіе списки въ моихъ печатныхъ письмахъ; сапира справедлива, говоритъ она, но слишкомъ ѣдка. По моему совѣту пьетъ она теперь за столомъ вино; къ счастью докторъ ея Бровіанецъ. Она исполняетъ всякое принятое намѣреніе, напримеръ ходитъ каждый день на свѣжій воздухъ въ садъ — »теперь, когда я здорова, я желаю еще овердѣть въ здоровьи.» О добрая! если бы она хоть проспо здорова была! —

10. Октября.

Въ первый день, какъ я сюда приѣхалъ, пришелъ я къ ней безъ доклада. Комната была пуста; дѣвка привела ее изъ сада. Она вошедши почти не въ состояніи была гово-

ришь, что происходило по ея увѣренію опъ-
шого что она бѣжала, — и это вѣроивно.

Въ воскресенье былъ я у Б — к, доброй и
живой женщины. Тамъ въ большей комнатѣ
попила печь, попомъ слѣдовала комната
гдѣ сидѣло собраніе; двери были открыты.
Я часто уходилъ въ большую комнату; К.
слѣдовала за мною. Здѣсь мы прохаживались
взадъ и впередъ, и часто проходили мимо
свѣтлаго, населеннаго опверспія, но все рѣже
и рѣже; оспались попомъ подолѣ у печи —
она сказала мнѣ свое сердце и поникнула голо-
вою на меня, и я въ первой разъ подѣловалъ
ее въ глазъ. —

Въ среду 9. числа вечеромъ была пригла-
шена Ф. (*) и я къ Б., какъ розово пымалъ
міръ! К. дала мнѣ спихи и письмецо. Я про-
челъ передъ собраніемъ послѣднее, и когда до-
шелъ до замаравнаго карандашемъ мѣсна, по
все мое вечернее небо попомнуло въ снѣговыхъ
облакахъ. Жеспоко, жеспоко бросаетъ судьба
мое движущееся сердце о самую оспроуголь-
ную спѣны, какую полько опъискашь можешь.
Я возмущенъ былъ прошивъ этого мепанія,
въ попъ вечеръ. Я показалъ ей это мѣсто,

(*) Ф. и К. одна и таже особа, т. е. К. ф. Ф. Примѣч.
Немецк. Изд.

подчеркнулъ его, сказалъ жесткое слово, и оспаясь холоднымъ. Я такъ понялъ это мѣсто: если воспротивился сѣмейство соединенію, то и проч. —

Тутъ начала добрая К. оказывать недостатки свои по ереди сердечныхъ мученій. Цѣлой вечеръ она была язвительна, и вѣ себя; такую я ее еще не видывалъ.

Если мнѣ мѣшаютъ въ любви моей и мучатъ ее, то внутренность моя какъ змѣя извивается и пверда неколебимо; когда же сносятъ ее и пипаютъ, я безсиленъ и повинуюсь. За ужиномъ изнемогло ея сердце, не встрѣчая отраженія нападеніямъ своимъ и глаза заплакали. — »Зубы болятъ« сказала она спросившей ее мащери, и такимъ тономъ, который даже не хотѣлъ убѣждать. Я молчалъ. —

Потпу я получилъ записку. Смягчился и изъяснился и получилъ другую, и когда ее опять увидѣлъ и нѣсколько нѣжныхъ словъ ей сказалъ, поникла она къ моему сердцу, непонявши моихъ письменныхъ объясненій. Вопъ что она разумѣла въ томъ мѣстѣ: »Если мы сами все это почищаемъ только мимолетною игрою, и незнаемъ вѣчности въ любви, то и проч. Пошомъ оспались мы

17. Септября.

неразлучно вмѣстѣ — и молчу я о радугѣ и упренней росѣ свѣплыхъ часовъ, которые съ нѣхъ поръ пропекали — молчу и о преданности и о довѣренности и о послушности ея. Съ проглательностью смошрѣлъ я, какъ она по моему желанію и больше ѣла и ѣла то, чего я прѣбывалъ. Съ нѣхъ поръ какъ я посовѣтовалъ ей весною, она уже раньше ложилась спать; прежде она сидѣла до часу, до двухъ за книгами и въ пѣть часовъ ушла опять къ нимъ обращалась. Это, и смерть нѣсколькихъ ближнихъ разспроили ея впрочемъ здоровое тѣлосложеніе (мѣсяца черезъ при можетъ она совсѣмъ поправиться). Послѣ моихъ весеннихъ проповѣдей она болѣе спала любилъ хозяйство; воспитаны онѣ всѣ для хозяйства. Обязанность или любовь могутъ только служить основаніями къ перемѣнѣ ея. Главный шонъ, съ котораго она весь день играетъ, есть — вѣчная веселость и шумливостъ, которыя вовсе не ожиданно обихаюу въ этомъ столь мягкомъ сердцѣ. Минувшныя волненія почитаетъ она недосмашкомъ въ себѣ. Будучи нѣсколько скрипка прошивъ чужихъ и знапныхъ и нѣсколько опривисна съ простолюдинами, она кажется болѣе гордою нежели въ самомъ дѣлѣ есть. 25. дѣтъ ми-

нуло ей въ Субботу когда я уѣхалъ. Тонкая мать вѣрно все угадываетъ, но такъ какъ она молчитъ, то само было соглашася. Цвѣтъ лица ея бѣлъ и блѣдно-румянъ, лобъ поэтическій и женскій, круглый, брови большія (даже слишкомъ), глаза черные, носъ пропорционально носу маленькаго и корошечкаго, губы оригинально обрѣзаны, подбородокъ вздернутъ; короче, не смотря на красоту, все обнаруживаетъ опредѣлительность. Пробу волосъ посылаю тебѣ, которыя прошу мнѣ назадъ прислать. И такъ открылся для жизни моей ругъ волшебной. — Чпожъ Ивановское пиво?

Веймаръ 2 Ноября 1799. года.

Если я только буду владѣть моею К., то первое, чпо мы постараемся приобрести, будешь ты, хоть на нѣсколько недѣль. Подѣй эпой души и меня будешь на себя вѣянь свободный духъ. Прочти особенно письма подъ буквами а и b; впрочемъ моихъ писемъ изъ нихъ не извлечешь, пошому чпо она меня иногда иначе толкуетъ. Гердеръ послѣ моихъ корошкихъ описаній, и Августинныхъ долгихъ, спалъ ее какъ солнце, какъ луну, какъ звѣзды обожаетъ.

Я пугаюсь, когда взгляну теперь на выгорѣвшіе брачныя крашеры, въ которые я

такъ часто тошно было упасъ, если бы не удерживала меня посторонняя рука. Въ Іенѣ, въ Лейпцигѣ, въ Эйзенахѣ, въ Готѣ (ибо всего я шебѣ немогъ писанъ) въ *** и проч. (напиши мнѣ о шеперешнихъ опношеніяхъ бѣдной другой К.) все висѣло на волоскѣ и самъ я въ волоскѣ висѣлъ. — Тиффуршянкѣ я не показалъ ни малѣйшаго знака склонности; пошому чпо у меня ея небыло; я явился — и шолько. Покорности опъ нея я ни мало не надѣлся; не понимая и не умѣя меня любить какъ авшора, она спалабы меня - чедовѣка мешапъ изъ руки въ руку.

Сверхъ моего ожиданія К. такъ удовлетворила мою душу, чпо я началъ гораздо спроее судить обо всѣхъ жспцінахъ. — Фихтс я уже давно изучаю съ удивленіемъ и возрастающимъ невѣріемъ къ нему.

7. Поляръ.

Благородная Б — шъ, кошорой два шолсные журнала я шебѣ однажды посылалъ, писала мнѣ изъ Эдинбурга, чпо она въ опчаяніи. Въ Макдональдѣ много благороднаго, швердаго, но нѣтъ любви. Я знаю раны эшого споль пораженнаго сердца, и мою собственную руку

вооружила судьба, можетъ быть предпоследнимъ, мечемъ прошивъ нея; попому могу сказать, что еще никогда доброе существо такъ жестоко не спрдало, никогда еще такъ долго неизливалось кровью и небыло такъ неизлечимо. —

О, если бы я могъ когда нибудь чрезъ мою К. и себя самого листка хоть два ея шумановой осени окрасить живыми красками! К. любилабы ее, она любилабы К.

Веймаръ 20. Ноабря.

Часто думаю я, что могу съ моею К. переселиться въ Байрейшъ, и ты будешь жить съ нами. Спорона, пиво, дешевизна привлекаютъ; сколько впрочемъ ни опшпалкиваетъ мелочной народъ. Вчера, идя на балъ, имѣлъ я въ дверяхъ съ спарикомъ Гердеромъ такую прогашельную вспрѣчу, что почти немогъ уже шуда идти: когда я сказалъ что К. принадлежитъ мнѣ, оба упали въ слезахъ къ моему сердцу; никогда не видѣлъ я его такимъ просвѣпленнымъ, пламеннымъ; какъ будто бы всѣ загадки и желанія его разрѣшены и удовлетворены.

(До слѣдующей книжки.)

Двѣ Обезьяны.

Басия.

» Что это? не ума ли ты лишилась? «

Мармышка такъ одна подружка говоритъ,

Увидѣвши, что та на головѣ спонитъ. —

— » Эхъ, не мѣшай мнѣ, сдѣлай милость, «

Проказница на ню съ досадою въ отвѣтъ:

» Пускай же видишь свѣтъ,

Что Обезьяній родъ не все же подражаетъ,

Но и свое кой-что изобрѣтаетъ. «

19. Апр. 1852.

(Съ Нѣмец.) Н. Белецкій.

Къ лирѣ.

Хочу я пѣть Амрадовъ,

Хочу я Кадма пѣть,

Упрямая же лира

Все про любовь твердишь.

Настроилъ лиру я

И пѣть дѣла Праума,

А лира споднишка

Любовь одну поетъ.

Оспавлю жъ я ироевъ

И буду вѣспѣть съ лирой

Все про любовь твердишь.

Харковъ 1852.

Съ Греческаго, изъ Авакрсона, Гриневъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ВОСПИТАНІЯ.

Аѳинское воспитаніе.

Аѳинскому воспитанію дать направленіе
знаменистый законодатель и мудрецъ Соловъ. —

Солонъ родился въ 638. году до Р. Х., умеръ въ 559. году, происходилъ изъ роду Королей Аѳинскихъ. — Какъ Ликургъ вдался въ одну крайность, такъ Солонъ въ другую. Не говоримъ о томъ, что ни Ликургъ ни Солонъ не понимали высшаго назначенія чловѣка и воспитывали согражданъ своихъ единственно для земли: на земное существованіе его смотрѣли они съ разныхъ почтъ, и взгляды обоихъ были односторонни и неполны. Ликургъ чувствовалъ, что люди должны соспавлять органическія общества; но при этомъ неясномъ предчувствіи онъ не думалъ, что и каждой части такого организма, взятой отдѣльно, предназначено сообразное значеніе его въ цѣломъ частное совершенство. Солонъ, напротивъ, обративъ преимущественное вниманіе на частное состояніе людей, не подумалъ, что нарушеніе органическую цѣлостъ всего, когда поставишь оную въ зависимость отъ частей. Какъ Ликургъ старался семейный бытъ совершенно подчинить быту государственному, такъ напротивъ Солонъ старался государственнй бытъ подчинить семейному, и первый основать единственно на послѣднемъ. Хотя каждое дѣло принадлежало обществу по законамъ его, но воспитаніе его возлагалось

вполнѣ на отца. И хопя могъ отецъ отдасть сына своего или дочь въ публичное заведеніе, но мало помалу домашнее воспитаніе спало бытъ предпочитавемо общественному, и наконецъ послѣднее вовсе упало. Солонъ между прочимъ имѣлъ также въ виду, чѣобы образованность была преимущественно доступна только богатымъ гражданамъ.

Если сообразимъ все это съ свободою, какая господствовала по его законамъ въ воспитаніи и вспомнимъ къ чему должны были клониться воспитатели неимѣющіе понятія о высшемъ, неземномъ назначеніи челоѣка, то безъ труда можемъ себя представить, къ какой цѣли должно было довести людей воспитаніе, основанное на Солоновомъ законодательствѣ. Исторія показываетъ, что общая испорченность Аѣинскаго народа и разслабленіе всего Государства были плодомъ его. Не поднимающіеся выше обыкновеннаго взгляда на челоѣка, взгляда со стороны его частнаго и земаго существованія педагога, какъ на пр. знаменитый Шварцъ, ставятъ Аѣинское воспитаніе едва не выше всего на свѣтѣ, называя его первымъ шагомъ челоѣчества къ свободному, собственно челоѣческому образованію.

Согласно съ пою же модою, копоря Іуліана опспупника до небесъ превозноситъ и Константина Великаго низвергаетъ на степень коварнаго злодѣя, Аѳинское просвѣщеніе, эша упонченная образованность Гоморрская, прославляется многими съ совершенною безошчецностью. Указываютъ на Сократовъ, Платоновъ и другихъ испинно великихъ людей, родившихся въ сей обители Геперь. Но Сократы и Платоны могли и должны были явиться по среди пысячъ, погруженныхъ въ глубочайшую мглу невѣжественной и отвращительной жизни почно такъ же, какъ совѣсь въ глубинѣ испорченной души пробуждается съ такою свѣплосію, что совершенно похожа на чистую мудрость? Но учись ли у эшой совѣсти пѣмъ, копорымъ сама мудрость открыва? Учишься у Сократа или у Платона намъ, Христіанамъ, кажешся мнѣ, поже, что здоровому лишь лекарство, потому что эно лекарство полезно для больнаго.

Не съ эшой точки смонранъ на великихъ людей Аѳинъ и вообще Греческой и Римской древности и до сихъ поръ въ пакъ называемомъ ученомъ мірѣ Европы: въ немъ признають языки и шворенія классической древности за испинное основаніе всякой учености. — —

Вопть ходъ воспипанія, которому обыкновенно слѣдовали въ Аоннахъ:

Лѣтъ до 5., 6. или 7. дѣтя оставлялось подъ женскомъ смопрѣніемъ. Семи лѣтъ препоручали его Педагогу, въ какое званіе обыкновенно избирались рабы. Педагогъ сей былъ вполнѣ тоже самое, что въ Россіи дядька. Онъ водилъ ребенка въ Гимназію, приводилъ опгъ шуда домой, смопрѣлъ за его поведеніемъ и проч. Въ Гимназій наблюдатель порядка назывался Педоприбъ или Гимнаспъ. Онъ наказывалъ хлыспикомъ приходившихъ поздно, назначалъ дішпу и вообще имѣлъ смопрѣніе за правспвенностію. Главнымъ начальникомъ Гимназій былъ Гимназіархъ. Эпо мѣсто занимали обыкновенно богатѣйшіе и знаншѣйшіе изъ граждагъ. — Гимнаспическія упражненія раздѣлялись на шпшъ разрядовъ, два легчайшія: Борьбу и Кулачный бой и при шруднѣйшія: Бѣганье, Прыганье и Мепанье въ цѣль. Плаванье, Танцы и проч. принадлежало къ особеннымъ упражненіямъ. Для каждаго рода сихъ упряженій былъ назначенъ особенный Гимнаспъ.

Граммашиспы учили чтенію и письму и задавали учпшъ наизустъ сшпхп изъ Гомера и другихъ сшпхоншворцевъ. Случалось, что нные ученики знали наизустъ всю Одиссею и Іліаду. Изучашъ шшспранные языки починалось пре-

небрежительнымъ. Изученіе Грамматики началось единственно для опечиственнаго языка. Мѣсто гдѣ преподавалъ Грамматистъ, называлось Дидаскаліонъ, также Педагогіонъ.

Опѣ Грамматиста переходилъ ученикъ къ Грамматику, который объяснять писателей, поминвалъ въ нихъ темныя мѣста, и сообщалъ свѣденія Мифологическія, Историческія и проч. Впрочемъ это различіе Грамматиста опѣ Грамматика принадлежитъ позднѣйшему времени. Во время Аристотеля его еще не было. Въ послѣдствіи подѣ именемъ высшей Грамматики разумѣлось еще болѣе, то что мы нынѣ разумѣемъ подѣ именемъ Филологіи, или даже весь объемъ учености. Въ послѣдствіи имя Грамматика перешло въ названіе Полигистора.

Третье занятіе Афинскаго юношества была музыка. Упряженіе въ пѣніи починалось въ семь случаевъ главнымъ дѣломъ. Изъ инструментовъ употреблялись Китары и Авли или Флейты. Изученіе музыки затруднялось 120. нотными знаками, которые были не что иное какъ буквы въ разныхъ направленіяхъ поставленныя. Впрочемъ не всякій ученикъ допускался къ изученію музыки. Лишь Гимнастика и Грамматика преподавались безъ изысканія и

богатымъ и бѣднымъ. Во время Платона поппіе о музыкѣ имѣло уже болышій объемъ.

Обыкновенно выходили изъ Гимназіи лѣтъ 18. Тутъ съ разными обрядами принимался юноша въ число молодыхъ гражданъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ долженъ былъ ходитъ на спиражу за городъ и упражнялся въ это время въ Гимнастикѣ воинской. И наконецъ 20. лѣтъ вснупалъ въ званіе полныхъ гражданъ. Тутъ онъ приносилъ въ храмъ присягу въ гражданскихъ обязанностяхъ.

На женское воспитаніе было мало обращено вниманія. Заключенныя въ опдаленнѣйшей части дома, не только запертой, но и спорожимой обыкновенно Молосскими собаками, дѣвицы жили вмѣстѣ съ малыми дѣтьми, рабынями и хозяйкою дома. Только въ торжественныхъ богослужебныхъ процессіяхъ являлись онѣ публично. Дома упражнялись онѣ въ пріобрѣтеніи красивой наружности: крашеніи волосъ, въ сюрменіи бровей, пригововленіи духоу и проч. Впрочемъ приучались также къ разнымъ домашнимъ работамъ, прясть, шить, вышивать; иногда также учились чтенію, писму и музыкѣ, для чего посѣщали и публичныя училища.

Испочники: Между древними: Plato (Protagoras. — De legg. I. II. VI — VIII.; De Re-

publ. III. V. VI. VII. IX.) Aristoteles Polit. VII. VIII.; Athenaeus Deipnom. X.; Chrysippus (Quintil. Inst. 1. 9.); Theophrastus (Diog. Laërt. V. 5, 12.); Ocellus Lucanus. De Nat. Rerum. —

Между новыми: Hochheimer: Versuch eines Systems der Erziehung der Griechen n. 1788. Goes: Erziehungswissenschaft der Griechen und Römer. 1808. Michaelis: Ideen über Erziehung nach der Polit. des Aristot. 1803. Barthelemy: Voyage du j. An. —

Осколки ошъ Философскаго Мозанка.

1. Изъ какого-шо Философа.

Начало каждаго духа состоить изъ двухъ свойствъ: познаванъ и любить. Предѣлъ его познанія, есть грань естества его. Существо безмерное ничему не выучивается. Оно по природѣ своей знаетъ все что знать должно. Никакое существо не можетъ любить зла по природѣ своей; ибо тогда должно бы было предположить, что Богъ сотворилъ его злымъ; что невозможно. — И такъ, ежели человекъ подверженъ невѣжеству и злу; то это иначе быть не могло, какъ въ слѣдствіе какого-либо случайнаго поврежденія; а поврежденіе сіе не могло произойти ни ошъ чего иного, какъ ошъ преснупленія. — Та поиребность, та алчба познанія, которая мучитъ человека, есть природное стремленіе существа его къ первоначальному состоянию. Она указываетъ ему, чѣмъ онъ сдѣлался. Его тянетъ къ области свѣта. Это его цепробѣжность. Ни бобръ, ни ласночка, ни пчела не хотять знать болѣе своихъ предшественниковъ. Все су-

щества спокойно занимающъ свое мѣсто. — Въ пали; но не знаютъ этого. Одинъ человекъ чувствуетъ что онъ пали. И! сіе чувство есть, въ одно и тоже время, доказательство и величія и злополучія его, высокихъ правъ его и глубочайшаго униженія. Въ семь злополучій, коимъ онъ себя подвергнулъ самъ, не наслаждается онъ даже и падевыми щастіемъ не знаетъ его. — Онъ долженъ непрестанно видѣть его, и не можетъ видѣть иначе, какъ красна. Унижаемый самымъ своимъ величіемъ, при свѣтѣ разума, къ Ангеламъ его приближающаго, долженъ онъ разсмапривать мерзоспійшія свои склопности, унижающія его до безмысленнаго животнаго. Онъ ищетъ въ основаніи существа своего какой-либо неповрежденной части и не находитъ ее. Зло все оправило и весь человекъ — одна болячка! (Hippocr.)

Воля его, подобно змѣ Тассовой (*) тащущая сама за собою, спыдась своего разслабленія. — Человекъ чувствуетъ, что онъ смершно раненъ — въ волю. Не знаетъ чего хочешь, хочешь чего не хочешь, не хочешь того, чего хочешь и хотѣлъ бы хотѣть! Онъ находитъ въ себѣ что-то такое, что не онъ, и что сильный его. Мудрый пропихивая и воиетъ: кто мя избавишь (**)? — Безумецъ покоряется и именуетъ подлостью свою щастіемъ; но не можетъ заключить другой воли своей, копя и пошерявшей власнъ надъ нимъ, по неизпробимой въ ся основаніи; и угрызение се произаетъ сердце его, крича непрестанно: »Аще ли еже не хочешь, сіе творишь, хвалишь законъ, яко добръ.« (**) (То есть какъ бы такъ: Дѣлая то, чего не хочешь, ты доказываешь, что въ тебѣ есть законъ, влекущій тебя къ добру.)

(*) E sè deposo hè tira. Tasso, xv. 48.

(**) Къ Римляни: гл. vii. сш. 24.

(***) Тамъ же, сш. 16.

2. Кеплеръ.

Геній не карабкается по лѣсикъ силлогизмовъ. Онъ идетъ свободно. Видно, что вдохновенъ. — Кто выше Кеплера въ Астрономіи? — Самъ Невтонъ естъ только исполковашель сего великаго чловѣка, котораго имя написано на небѣ. — Его открытіе совершенно независимо отъ всего прежде выученаго. Истинное вдохновеніе. — Естъли бы онѣдаъ на судъ нашихъ Мудрецовъ его мисническія соображенія чиселъ и небесной гермоніи, столь тѣсно связанныя съ благочестивыми идеями его; то они бы разсмѣялись надъ мечтами — бѣднаго сусѣтра и фанатика! — По щастію, что живя подъ его законами, они не читали его жизни; а то бы доспалось ему! — (Mairan dissertation sur la glace 1749. in 12. prѣf, p. 11.)

3. Науки и Христіанство.

Примѣнили ли вы, что невѣріе ничего важнаго не открывало и не можетъ открывать? —

Скипиръ науки когда онѣдаъ въ руку Европы? — Когда она держала уже въ другой крестѣ. — Какія училища были первыми? — Богословскія. — Попробуйте научить юношество вашимъ наукамъ — безъ Религій; — пошлите къ дикимъ, вмѣстѣ миссіонеровъ, Академиковъ, и посмотрите что выйдеть! — — Прежде чѣмъ познаешь мѣръ, познай себя. (Сенека. Ер. h. xv.)

Всякое метафизическое положеніе, которое не выливается само собою изъ какого-либо Христіанскаго догмата, естъ не что иное, какъ преступный бредъ.

М. Просподумовъ.

Urwelt und die Fixsterne Шуберта.

На 487. стр. III. т. Исторіи Философіи Рикспера изложено вкратцѣ содержаніе Шубертова сочиненія: *Urwelt und die Fixsterne*, изданнаго имъ въ 1822. году въ Дрезденѣ. Оно очень кспашни идеть къ опломкамъ Г. Просподумова. Вопреки всеѣмъ испытаніямъ природы и Натуральнымъ философамъ доказываеися въ семъ сочиненіи слѣдующее:

I. Чпо извѣстная намъ поверхность земли не такъ ужасно древня, какъ то принимаютъ и спараются утверждать многіе, основываясь на недоказанныхъ предположеніяхъ о постепенности образованія;

II. Чпо нынѣ существуящему мірозданію, которое есть твореніе Бога, художника всемогущаго, не предтсествовали многія другія несовершеннѣйшія, какъ бы лишь для опыта создававшіяся Богомъ, и потому скоро опять увядавшія, мірозданія, но чпо все роды и виды совершеннѣйшихъ и несовершеннѣйшихъ образованій, все роды ископаемыхъ, растеній и животныхъ произошли вдругъ;

III. Чпо пеперенный видъ поверхности земной есть слѣдствіе испинно всеобщаго потопа, отъ котораго часть стараго материка превратилась въ дно морское, а часть стараго дна морскаго въ новый материкъ — не постепенно, а вспзапно и насильственно; и чпо погданный родъ человѣческій былъ также весь поспигнутъ симъ переворотомъ;

IV Чпо наконецъ неподвижныя звѣзды вообще ни чуть не споль далеко отъ нашего шара отстоятъ, какъ обыкновенно принимаютъ; чпо не необходимо слѣдуетъ заключать, чпо чѣмъ меньше звѣзда кажется, тѣмъ даѣе отъ насъ должна отстоять, какъ дѣлали до сихъ поръ астрономы; чпо наконецъ ни мало не все неподвижныя звѣзды изъ твердыхъ тѣлъ состоятъ, но вѣроятно большая часть ихъ и особенно млечный путь и иначе называемыя туманныя пятна не чпо другое сущь, какъ шарообразныя помѣщенные скопленія эфирной свѣтовой матеріи, подобно кометамъ, также большою частью несмыющимися зерна и преходящими. —

Еще о Спешенсѣ.

Въ прошедшемъ году напечаталъ Спешенсъ новое изданіе книги своей: *Von der falschen Theologie und dem wahren Glauben.*

Въ предисловіи къ сей книгѣ въ короткихъ словахъ разсказалъ онъ весь ходъ своего обращенія. Вотъ онъ: »Упомнившись продолжительною борьбою съ вѣдѣніемъ, которое не только внутри определенныхъ для него границъ, но и тамъ, куда оно не можетъ достигнуть, усиливало себя въ себѣ основать, — началъ я обращаться духомъ къ Христіанству, началъ я болѣе предощущать (ahnen), нежели вѣровать, что Спаситель міра есть въ то же время и спаситель заблужденнаго разума отъ его заблужденій. Тѣмъ, которые знаютъ мои сочиненія, не трудно будетъ пайти сіе склоненіе мое, возбужденное сначала болѣе предчувствіемъ, нежели на твердой вѣрѣ основанное. Когда мы, предоставленные самимъ себѣ, одни боремся съ сомнѣніями нашими, тогда самый намекъ отъ Благодати мы весьма легко принимаемъ за произведеніе собственнаго чувства; и не прежде какъ среди вѣрующей общины (церкви), собранной вокругъ учителя, коего собственная неколебимая вѣра въ Спасителя составляла твердое средоточіе, открывающія глаза наши, и общалъ вѣра отдѣлялся въ насъ отъ нашего собственного, частнаго чувства, и ясно становился намъ, что лишь изъ Благодати оно произтечь могло, ясно намъ становился предметъ его — какъ высшее, отъ колебанія чувствъ и мыслей человѣческихъ вовсе независимое, намъ опкровенное Царство Божье. Такой учитель, соединившій меня съ церковью, былъ для меня Шейбель.« —

Изложивъ въ началѣ сочиненія двойное вѣрованіе въ Христа, одно — модное, философское, отвергающее чудеса, подчиняющее Бога законамъ, Имъ же установленнымъ, называющее законы сіи вѣчными, говорящее, что чудеса и пророчества были и въ другихъ религіяхъ, и въ мифологіяхъ, — усиливающееся отдѣльнымъ внутреннее знаменованіе Вѣры Христіанской отъ обстоятельство Историческаго явленія его, и ссылающееся на безпристрадную просвѣщенность пылшаго вѣка, — и другое вѣ-

рованіе, отвергающееся всякаго своевольнаго толкованія слова Божья, и съ непоколебимымъ убѣжденіяхъ чувствующее, что нѣтъ вѣры — безъ вѣры безусловной, не только недержавшей сомнѣвавшейся въ чудесахъ, но прелепущей даже мысли объяснять оныя — Стеффенсъ переходилъ къ опроверженію перваго послѣднимъ. — Больше о сей книгѣ можетъ быть послѣ, —

Послѣднее образцовое произведеніе Гёте.

Великій Гёте! его нѣтъ болѣе! Угасъ знаменитый свѣтильникъ Германіи! угасъ, — и только — какъ дымъ опъ потухшаго факела — одна печальная молва о немъ еще пещется по ученому міру. —

О, великій Гёте! кто ему былъ равенъ въ живописаніи чело-
вѣка во всехъ тысячеобразныхъ видахъ бывшій его? Чье перо,
чья кисть, чей рѣзецъ, кто, кто въ силахъ бы изобразить Вер-
тера, Вильгельма Мейстера, Фауста, самого Мефистофелеса, какъ
изобразилъ ихъ Гёте? И исчислялъ ли все множество его произведе-
ній, его великихъ произведеній? весь міръ ученый ихъ знаетъ. Но все
произведенія его, и даже самый Фаустъ — ничто въ сравненіи
съ величайшимъ, глубокомысленнѣйшимъ, издѣланнымъ произве-
деніемъ, которое сочинилъ онъ въ послѣднія минуны жизни
своей; въ немъ онъ себя самого превзошелъ; въ немъ самъ онъ
ясно говоритъ, что все, что онъ прежде писалъ — ничто
Это сочиненіе. . . . Смотрите Прусскую Государственную газе-
ту: »Гёте, умирая на креслахъ, до самой минуты кончины
своей, когда и рука уже упала на колѣно, — писалъ пальцемъ
на воздухъ.« —

Чтенія въ Берлинскомъ Университетѣ.

Теологія: Значеніе Философіи въ Теологіи — Маргей-
несъ; Введеніе въ Выхъ, Завѣтъ — Петерманъ; Пятикнижіе

— Генгшенбергъ; Кн. бытія — Ванке; Пророчество Исаи — Бепари; Изъясненіе избр. мѣстъ Исаи — Мюллеръ; Псалмы — Бепари; Избр. псалмы — Ванке; Избр. мѣста въ кн. Іова — Беллерманъ; Кн. Іова — Улеманъ; Упражн. въ экзегезѣ мѣстъ изъ Вѣт. Зав. — Пенерманъ; Введ. въ Нов. Зав. — Герлахъ; Тоже — Ванке; Тоже — Улеманъ; Эв. Матфея — Генгшенбергъ; Дѣя. Апостол. — Герлахъ; Тоже — Фогтъ; Посл. къ Колос., Эфес. и Филипп. — Шлейермахеръ; Посл. къ Гал. — Майергофъ; Пос. къ Эвр. — Ломмацъ; Посл. Іак. — на Латинск. оныже; Жизнь Иисуса Христа — Шлейермахеръ; Начерт. всей Церк. Исторіи — Майергофъ; Перв. ч. Церк. Исп. — Фогтъ; Последн. ч. Ц. И. — Неандеръ; Исп. Миссій повѣйш. вр. — Майергофъ; Христіан. Догматика — Мартейнске; Символика — оныже, по своей Лат. кн.; Введеніе въ Аугсб. Исповѣданіе — Фогтъ; Теологія Ап. Павла (*eigenthümliche Theologie*) — Неандеръ; Теологич. Правоученіе — оныже; Всеобщ. прак. Теологія — Штраусъ; Капехетика — оныже; Диспуты о мѣстахъ Нов. Зав. на Лат. — Ломмацъ; Практич. Упражн. въ Теологич. предметахъ — оныже; Экзегетич. и Церковносп. репериоріи — Майергофъ; Гомилетич. упражн. — Штраусъ.

Правовѣденіе: Энциклопедія Правоученія — Кленце; Исп. Пр. — Моосдорфъ-Росбергеръ; Исп. Пр. Римск. до Юстиниана — Кленце; Институцій и Древности Рим. Пр. — Савиньи; Пандекты и о правѣ наслѣдства — Гансъ; Пандекты — Рудорфъ; Право насл. — оныже; Реципторіумъ о пр. насл. — Моосдорфъ-Росбергеръ; Опрывки Ульпіана — Рудорфъ; Церк. Право — Эйхгоръ; Исп. Государственная и Права въ Герм. — Гомейеръ; Тоже — Филиппъ; Герм. Частн. совключ. Личнаго и Торгов. Права — Lancizolle; Тоже — Филиппъ; Объясн. соч. *der Sachsenspiegel* — Гомейеръ; Объясн. и способахъ къ изуч. Герм. Права — Ланциолле; Древности Герм. Пр. — Филиппъ; Европ. и въ особ. Герм. Госуд. Пр. — Гансъ; Европ. Народн. Пр. — Ланциолле; Общ. Герм. и Прусс. Судопроизв. — Яркс; Тоже — Моосдорфъ; Практич. упр. въ томъже — оныже; Общ. Уголовн. Пр.

и Судопр. — Клеппе; Общ. и Прусск. Угол. Пр. и Судопр. — Ярке; Учение о причинности? (*Lehre von der Zurechnung*) — опъже; Прусск. Земск. Пр. — Савинны; Тоже — Гомейеръ; Репешпоріумъ тогоже — Моосд.-Росб.

Медицина: Энцикл. и Методологія Мед. — Рудольфъ; Осн. рациональной Мед. — Рейхъ; Школа теор. Мед. — Иделеръ; Исп. Мед. — Гекеръ; Афоризмы Гипокр. объяп. на Лат. — Баршельсъ; Осн.сол. — Шлеммъ; Ангiol. и Цеврол. — д'Алтонъ; Анап. орудій чувствъ — Шлеммъ; Сравн. Анап. — Рудольфъ; Физіол. — опъже; Всеобщ. Физіол. Горкель; Антропол. какъ приуготовительная наука Нихамприн — Кранихфельдъ; Гомеобіотика — Шульцъ; Осн. мед. Зоологін и Ботаники въ соед. съ репеш. — опъже; Всеобщ. теор. и мед. Бот., въ соед. съ демонстраціями, микроск. набл. и бот. экскурс. — опъже; Веществосл. — Озаннъ; Практн. врач. Веществосл. — Зунделниъ; Токсикол. — Линкъ; О Месмеризмъ и употр. животи. Магн. въ врач. иск. — Вольфартъ; Иск. инсп. рецепши — Касперъ, и припомъ практн. упр.; Формулярная часниъ — Зунделниъ; Тоже — Ангельшнейнъ; Патол. — Гувеландъ млад.; Всеобщ. Пат. и Терап. — Вагнеръ; Часни. Пат. — Горнъ; Семіон. — Гувеландъ мл.; Всеоб. Пат. и Осн. Семіо. — Экъ; Всеоб. Терап. — Баршельсъ; Тоже — Экъ; Тоже — Оппертъ; Всеоб. Терап. и перв. ч. часни. — Гувеландъ мл.; Всеоб. Терап. и Діетет. — Беккеръ; Часни. Терап. — Гекеръ; Часни. Пат. и Терап. — Рейхъ; Руков. къ разпознав. и лечен. болезней члов. — Беккеръ; О дышек. бол. — Касперъ; Всеоб. и часни. Пат. и Терап. болезней духа — Горнъ; О леченіи душевн. бол. — Иделеръ; Психологич. особ. Терап. первн. и кров. снѣн. — Вольфартъ; О нервич. бол. — Рембергъ; Анап., Физіол., Пат. и Терап. чловѣч. глаза, и клншн. упражн. — Кранихфельдъ; Офтальміатрика — Грѣс; О бол. мозга — Понккенъ; О проих., распрост. и леченіи эпидем. бол. особ. Инд. холеры; Пат. и Терап. холеры — Вагнеръ; О холерѣ — Ромбергъ; О разпознав. и лечен. снѣн. бол. — Оппертъ; О средст. спасенія привязанныхъ опас. — Озаннъ; Повноренія изъ Физіол., Пат., Терап., Врачебн. Веществосл. и

рецептн. иск. -- Зупделниъ; Хирургія -- Грѣе; Общ. и частн. Хир., совключ. глазн. и снѣл. бол. -- Руснъ; Общ. и ч. Хир. -- Йонгкенъ; О Хир. операт. -- Клуге; О переломахъ коестей и вывихахъ -- онъже; О Хир. повязк. -- онъже; Показ. дѣланъ глазн. операц. -- Йонгкенъ; О главнѣйш. глазн. опер. -- Ангельштейнъ; Онъже -- Пракп. курсъ всѣхъ гл. оп.; Огл. оп. -- Грѣе; Теор. и практ. Акушерства -- Бушъ; Экзаминаціоніумъ въ предм. Акуш. -- онъже; Объ операц. Акуш. -- онъже; Практ. и Теор. частн. Повив. Иск. -- Клуге; Мед.-клинич. упражн. -- Барпельсъ; Клин. упр. въ полнклинич. Инстит. -- Гуселандъ мл. въ соед. съ Озаниомъ и Буссе; Клип. упр. въ больницѣ *Charité* -- Руснъ; Клип. указанія -- Вольфартъ; Клин. упр. въ леченіи бол. духа -- Иделеръ въ опіѣ сумасш. тойже больницы; Клинич. упр. въ леч. дѣл. бол. въ тойже б.; Клиника Хирургін и леч. гл. бол. въ Унив. болыи. -- Грѣе; Практ. упр. въ леч. гл. бол. въ болн. *Ch.* -- Йонгкенъ; О снѣл. бол. Клин. преподав. въ б. *Ch.* -- Клуге; Упр. Хир. надъ трунами и Клин. упр. въ Акуш. иск. -- Клуге; Акуш. Клиника -- Бушъ; Судебн. Мед. и практ. упр. -- Вагнеръ; Тоже съ руков. при соч. мнѣній, для Медик. и Юриспозовъ -- Касперъ; Скопленечіе -- Реклебсвъ; О поватн. бол. домашн. скопа, въ соед. съ Судебн. Скопленечіемъ и Ветеринарною Полиціею -- онъже. --

Философскія науки: Филос. Энцикл. и Методол. Рипптеръ; Филос. Энцикл. по Гегелю, совед. о нов. фл. сист. соврем. Вольфа -- Готто; Методол. Филос. -- Кейзерлингъ; Логика -- Рипптеръ; Лог. и Метафиз., съ общ. введ. въ Фил. по Гегелю -- Геннингъ; Лог. и Энцикл. Филос. -- Бенекс; Психол. Кейзерлингъ; Система Нравоуч. -- Шлейермахеръ; О нравств. жизни -- Рипптеръ; Ест. и Госуд. Право или Философія Права -- Мишеле по Гегелю; Наука воспитанія и преподаванія -- Бенекс; Эстетика или Философія Цѣлнцнаго, Цѣлнцп. Иск. и Истп. Из. Иск. -- Готто; О понятіяхъ объ Цѣлнцп. и Поэзіи Грек. и Римл. -- онъже; Истп. Филос. -- Бенекс; Филос. Всемірной Истп. -- Мишеле; О жизни, соч. и филос. Аристотел. -- онъже; Крнш. изобр. Кантов. Сист. -- Бенекс.

Математическія науки: Анал. плос. и сф. Тригон. -- Грюзонъ; Тоже -- Омъ; Тригонометрич. упр. -- онъже; Осн. Анал. Геом. -- Диркзень; Ал. Геом. -- Миндинъ; О конич. сѣч. -- Иделеръ; Осн. анал. уч. о крив. лин., въ особ. о кон. сѣч. -- Омъ; Спациал. и Мех. науки -- онъже; Опш. -- Зебекъ; Тоже -- Дове; Теор. уравненій -- Леженъ-Диришле; Диф. и Инт. Исч. -- Грюзонъ; Тоже -- Леж. -- Дир.; Высш. Анализъ -- Луббе; Инт. Исч. -- Диркзень; Прилож. Диф. исч. къ крив. л. -- онъже; Мат. Географ. -- Иделеръ; Тоже -- Ольшманъ; Высш. Геодез. и Инт. Землемѣрія со вр. Эрапосеена -- онъже; Мат. Геогр. -- Миндинъ; О географич. опредѣл. мѣстъ -- Энке; Космогр. -- Зебекъ; Исп. Мат. -- Миндинъ; Повтор. Математич. -- онъже. —

Естественныя науки: Опыти. Физ. --- Гермбшпедтъ; Тоже -- Турне; Тоже -- Поль; Тоже -- Дове; Тоже Шубартъ; Основ. Физ. и Хим. -- Турне; Объ Элекирич. и Магнетизмѣ -- Эрманъ; Метеорологич. Атмосферологія -- онъже; Экспериментальныя демонстраціи Электромагнетическихъ явленій -- Поль; Эксперим. Химія -- Миншерлихъ; Фармац. и Фарм. Химія -- Гермшпедтъ; О пригоп. алыкалич. и землян. лекарствъ -- онъже; Квалификаціонная часть аналитич. Хим. -- Розе; Уч. о пропорц. Химич. и Элекирохимія -- Миншерлихъ; Химич. аналитич. упр. -- Розе; Прак. Хим. упр. -- Магнусъ; Объ открытіи ядовъ въ оправд. вещевыхъ -- Розе; Технол. -- Магнусъ; Гётево ученіе о цвѣтахъ -- Генпинъ; О методахъ опредѣленія геогр. магнет. и метеорологич. отношеній мѣстъ -- Эрманъ; Исп. Исп. и Энци. и Методол. Исп. ц. -- Линкъ; Всесобц. Исп. млекоп. -- онъже; Введ. въ Физиол. Животн. не имѣющихъ суспавнаго скелета -- Эренбергъ; Энзимол. -- Клуге; Осн. Ботан. -- Кунтъ; Теор. и практ. Ботан. и экскурс. бот. -- Линкъ; Основ. Бот. и бот. экск. -- Ф. Шлегендаль; О законахъ описанія Ботан. -- Гайне; Ботанич. демонстраціи -- Кунтъ; О лекарств. расн. -- Гайне; О питан. расн. -- Шлегендаль; Минералог. -- Розе; Минералогич. упр. -- Вейсъ; Геогноз. -- онъже; Кристаллогр. -- онъже; Лан. диспуши о предм. физиол. и естеств. испор. -- Вигманъ. —

Государственные и Камеральные науки: Спашника и уч. объ обр. Правл. Европ. и Америк. Госуд. — Раумеръ; Положит. Европ. Народ. Право — Гельвингъ; Основн. черты Прусс. Публ. и Административн. Права — Геннингъ; Госуд. Хоз. — Гофманъ; Основн. Полож. ремесленн. Полиции (*Gewerbpolizei*) — онъже; Общ. Технол. — Гермбиндигъ; Камеральная Химія — онъже; Теорія Земледѣлія — Шперингъ; Сельск. Хоз. — онъже; О скотоводствѣ — онъже; О распризн. и леч. бол. всякаго домаш. скота — онъже; О садоводствѣ — онъже; Энцикл. Лѣсн. наукъ — Гарнингъ; Обь оцѣнкѣ лѣса и о размнож. л. (*Forsttaxation und Forstbetriebs-einrichtung*) — онъже; Лѣсоводство — онъже; Обь управл. лѣса — онъже; Экскурси въ лѣса въ осенн. ваканціи — онъже; *Ueber das Seewesen* (обь употребл. лѣса въ морск. дѣлѣ) — онъже.

Исторія и Географія: Всемірн. Исп. въ общ. связи Ранке; Римск. Исп. и Древности — Цуппитъ; Исп. Сред. вѣк. — Мюллеръ; Древности Сред. в. — Ф. деръ Гагенъ; Нов. Исп. съ 16го в. — Раумеръ; Исп. Евр. Государствъ — Шмидигъ; Всеобщ. Исп. Герм. — Вилькенъ; Ист. Прусс. Госуд. — Гельвингъ; Обь Ист. послѣд. 50. лѣтъ — Ранке; Всеоб. Ист. Америки — Куфаль; Исп.-критич. Упр. — Вилькенъ; Геогр. Европы — Рипперъ; Древ. Геогр. *Италіи* — онъже; Исп. древн. Геогр. — Мюллеръ; Гидрогр. и Физіогр. Югоамерик. осп. и прибрежн. странъ — Ольшманъ. —

Исторія и исторія Искусствъ: Всоб. Археологія рисовальныхъ иск. у древ. и. — Телькенъ; О гипсов. оплиткахъ древн. памятн. въ Корол. Акад. — онъже; Обь Эгиптск. и его памятникахъ — Гиринъ; *Практ. и исторія Лѣнія* — Целлеръ; Энциклопедія и Методологія Музыки — Марксъ; Теоретич. и практич. рук. къ Музыкальной Композиціи — онъже. —

Филологическія Науки: Одиссея Гомера кн. XI — XII. — Ланге; Персы Эсхила объясн. на Лат. Яз. — онъже; Димосо. рѣчь о коронѣ — Беккъ; Димосо. *Филиппики* — Крюгеръ; Нѣкот. рѣчи Псокрана — Беккеръ; *Платона Кратилосъ* — Гейзе; Введ. въ соч. *Горація* и объясн. Науки стихотв. — онъже; *Послания и Наук. Стихотв. Горація* — Лах-

маннъ; Речи Циц. de lege agraria — Цумпшъ; Исп. Греч. Лип. — Бекъ; Греч. Грам. — онъже; Лашин. Эпимология и Синтаксисъ — Поппшъ; Ираклин. упр. — Крюгеръ; Введ. въ изуч. всеобщ. Мисологии — Шпуръ; Греч. Мисол. — онъже; Мисол. Инд. и др. народ. Воспощ. Аз. — онъже; Эпипография. лингвистич. обзоръ принадлежащихъ къ Санскритск. покровно родовъ — Поппшъ; Срав. Грам. Санскр., Греч., Лип. и Нѣм. Яз. — Бопшъ; Санскр. Яз. — онъже; Избр. Эпизоды изъ Мага-Бараты — онъже; Евр. Грам. — Бенари; Семитскіе діалекты, Санск., Перс. — онъже; Евр. Гр. — Улеманиъ; Араб. Яз. — Видкеиъ; Тоже — Пестерианиъ; Тоже Гевгенсбертъ; Арм. Яз. — онъже; Испорич. и срав. Нѣм. Грам. — Ф. деръ Гагенъ; Готтск. Яз. въ сравн. съ нов. Нѣм. Нареч. — Цейне; Рыцарск. стихов. Готфрида Спрасбургскаго, Тристанъ и Изольда — Ф. д. Гагенъ; Исп. древ. Нѣм. Поэзи — Лахманиъ.

Новые Языки: Освоб. Іерус. Тасса — Фабручи; Хрестом. Итал. — онъже; Основ. Итал. Яз. — онъже; Данте: Divina Commedia — Франчесонъ; Курсъ Франц. Яз. — онъже; Милліона пошерай — Ф. Сеймуръ; Прен. Англ. Яз. — онъже. —

Сверхъ того гимнастич. упражн.: Фехтованіе, воднижирова-
ніе, верховая ѣзда и пр. —

ЯБЛОКИ ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА.

Опославъ членъ Берлинскаго Университета въ пипографию, сѣлъ я опдохнуть передъ окошкомъ, и, смотря въ него, разсуждать, какъ мудра, какъ учена Германія; пересчитывавъ въ головѣ всѣ Университеты ея, всѣ ученныя общества, постоянныя и движущіяся, чело-
вѣкоиспытывательныя и природопытательныя и проч. и проч. Но скоро видъ прекраснаго весен-
няго вечера опвлекъ меня опъ размышленій
сихъ. И, оставивъ обществамъ ученыхъ вмѣс-

пѣ съ ученоспью ихъ двигапсья не только изъ Гейдельберга въ Гамбургъ, но куда угодно, впередъ, назадъ, вверхъ, внизъ, кругомъ, я опдыхалъ мыслями, любуясь, какъ море сверкало играя съ послѣдними лучами солнца, какъ какъ-бы легкіе островки свѣта скользили по Лакебергу, по раздолу застроеному домикали предмѣстій и по черепичнымъ крышкамъ Ревеля. Въпѣ съ гигантскаго чернаго щипца Никольской колокольни соскользнулъ и послѣдній лучъ, и спало смеркапсья. Вдругъ вижу, издали лепипсь чпо-по, и прямо на меня; водпѣ ближе, ближе, — чпо-по большое; всамшириваюсь — машенпѣ крыльями и хлопаетпѣ свѣпшищимися глазами — Филинѣ. Спукнулся въ окно ко мнѣ, я поскорѣе опкрылъ окно и выспилъ его. Надобно сказапѣ, чпо въ дѣпсптвѣ мнѣ удалось одного молодаго Филина спасти изъ плѣна, въ копторый было попался онъ къ одному изъ рѣзвыхъ шоварицей моихъ. Филинѣ эппонѣ, видно изъ благодарности, полюбилъ меня; и, когда бывало уединишсь въ сосѣдную роцу или лѣсъ, урокъ ли учипѣ или пригопавлипсь на какого-побудъ древняго классика, онъ непременно прилепишсь ко мнѣ, сяденпѣ подлѣ меня, ласкаетпся, издаенпѣ голоса, будпно говоришѣ хоченпѣ, и пѣакъ подружился со мной, чпо я спалъ его, какъ попугая, учипѣ говоришѣ. Долголи, корониколи, только я выучилъ его не только говоришѣ, а къ величайшему моему удивленію — и чипатпѣ и даже — мыслишѣ. По Лапипѣ, по Пѣмецки, по Французски бывало чипаенпѣ и разсуждаенпѣ мой Филинѣ; разговариваетпѣ бывало объ Истории, о Физикѣ, объ Аспрономіи, о Философії и обо многомъ другомъ. Судьбѣ угодно было нѣсколько лѣпѣ шому назадъ разлучипѣ

меня съ нимъ; и съ тѣхъ поръ до нынѣшняго вечера я вовсе не зналъ, куда онъ дѣвался. Легко можно представить, какъ я обрадовался нечаянному гостю. Послѣ взаимныхъ дружескихъ привѣтствій разсказалъ онъ, что послѣ разлуки сомною онъ пошелъ путешествовать по Европѣ, былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Геттингенѣ, Мюнхенѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ и многихъ другихъ городахъ, мѣстахъ и мѣстечкахъ, и всюду, то со шпига колокольни какойнибудь, то съ утеса, то со спига съна дѣлалъ свои наблюденія. Множество разсказывалъ, разсказалъ цѣлую ночь до разсвѣта. Самымъ интереснымъ изъ разсказовъ его показался мнѣ слѣдующій; сообщаю его безъ прикрасъ.

»Должно бытъ, говорили онъ, прародители ваши унесли съ собою изъ рай нѣсколько съмачекъ того яблока, копорымъ соблазнили ихъ лукавый, пошому что нынѣ такъ расплодился по всей землѣ яблони познанія добра и зла, что въ нѣкопрыхъ земляхъ, напимѣръ въ Германіи, опъ ихъ скоро негдѣ будетъ росши и дровяному лѣсу. И лукавый такую власнь взялъ въ энихъ лѣсахъ познанія, что уже не считаешь за нужное одѣваться въ змѣиную кожу, чтобы обольщать людей, а просто въ видѣ лѣвнаго разгуливаетъ по владѣніямъ своимъ и оповсюду скликаетъ охотниковъ, копорые полнами валятъ изъ зазковъ и хижинъ своихъ и одинъ передъ другимъ спараются угождать сильному владыкѣ — ломаютъ сучья, падаютъ, карабкаются на деревья, но опять вешаются и опять лѣзутъ; прескъ, шумъ, крикъ, спорятъ, бранятся — и у Адама закружилась голова бы если бы онъ зашелъ на эшопъ базаръ Демонскій. — На бѣду же, какъ ты знаешь, въ нашъ вѣкъ такой урожай на

эпѣ яблоки. Да чего, небудь и уражая — разсадишь, расплодишь сами. Будь хоть песчаная, каменистая земля; взроютъ, удобришь — и на пескахъ и утесахъ выроснутъ рощи яблонныя.

Любо Любому, какъ ревизоромъ обходить помѣстья свои. То ниже нравы опустились, то выше лѣса подымеются, то на одномъ краю явился, то на другомъ — и вездѣ и видимо и невидимо громко хлопаютъ въ ладоши ревностнымъ работникамъ и служилымъ своимъ, величаютъ по именамъ, сулятъ славу, безмерныя имени, и эхо горъ и овраговъ вносятся громовому голосу его и сердца жадныхъ попребишелей яблокъ познанія дрожатъ радостью. —

Вѣришь ли какъ шеперь передъ собою вижу особенно въ Германіи .. Ты говорилъ, что во время Тациана почти вся Германія была покрыта лѣсами. Да лѣса тогда были, какъ и были лѣсамъ, дубовые, сосновые, березовые; и волки и медвѣди, дятлы, бѣлки и наша братья филины водились въ нихъ. А шеперь чудеса да и только гдѣ - гдѣ увидишь перелѣсокъ спроеваго или дровянаго лѣса почти вся Германія одинъ яблонный лѣсъ. И что говоришь объ волкахъ до медвѣдяхъ? нашему брату негдѣ приютиться; все полнехонько людьми. Вообрази себѣ: внизу, вверху, на деревьяхъ, подъ деревьями, вездѣ люди. Кто, сидя на сучкѣ, то и дѣло доспаиваетъ по яблоку да набиваетъ себѣ щеки. Кто только надкусываетъ, да потомъ бросаетъ. Кто выкавыриваетъ, да ѣстъ одни сѣмячки. Иной, зная на кислую яблоню попалъ, морщится бѣдняжка, а ѣстъ. Кто оплевываетъ, сердится, — видно червяка раскусилъ.

Одинъ, переважно развалившись на сучьяхъ, задумался о чемъ-то. Другой, знаяшъ, можетъ ужъ сыпъ, нависивъшается какую-то пѣсенку. Ну ни дашь, ни взяшь какъ пшеницы. Кно заунывную плясать, кно щелкаетъ, свиснишь, а кно, какъ иволга точно Тироляскую нависивъшается..... А по выше намъ видно доки сидишь, должно бышь изовсѣхъ выбраны. Ужъ не ѣдишь, а пленишь ли, вяжешь ли, пушай ли что-то, — кажешся, хопишь всѣ лѣбони, всѣ рощи за вѣшви въ одинъ большой лѣсъ связать. И не всякаго пускають шуда на верхъ. При мнѣ одного бѣднаго не пустили, зато, что онъ не поѣлъ съ двухъ или трехъ лѣбонъ, потому что лѣбони ему кислыми да горькими показались. Полѣзъ сердечный внизъ, не что взять. — А по есишь, должно бышь и изъ выбранныхъ-то выбранные; итъ ужъ на самомъ верху, въ маковкахъ, а гдѣ и изъ маковыхъ къ верху новысовывали головы. Тѣмъ, что пониже ихъ, они иногда указываютъ, гдѣ и какъ сучья связывать, что обрѣзывать, что привязывать. И поютъ они и говорятъ что-то... не слышно многое издали Внизу подъ ними толпы собираются, слушаютъ ихъ. И у самого лѣснаго въ большой они чести; какъ выше лѣса подымается, такъ наклоняется къ нимъ, шепчешь съ ними, шунишь, смѣешься. — Какъ забавно одинъ изъ нихъ пѣлъ однажды при мнѣ, и такъ, чтобы всѣ лѣса слышали, ужасно громко: »Мы не люди, а мы пшеницы!« не помню дальше; и, говоряшь, въ самомъ дѣлѣ у него волосы и ногти въ это время превращались въ перья; я самъ этого не видѣлъ. Другой, такъ еще забавишь декламировать, такъ еще всѣмъ въ слухъ: будно онъ на небѣ, и видишь все, и увѣрялъ всѣхъ что

знаеть, какъ и откуда все взялось, откуда
взялись лѣса яблонныя, откуда приходятъ къ
нимъ владыка ихъ Лѣшій, увѣряя, что на
небѣнъ нѣтъ ничего занимательнаго, что въ лѣсу
яблонномъ лучше, что небо и лѣса яблонныя
одно и тоже — ничто и пр. и пр. И говорилъ
онъ все это шакъ складно, шакъ опичешисшо,
что Лѣшій сзади его по и дѣло хлопаетъ въ
ладони и безпрестанно посылаетъ Лѣшеняшъ
разносить имя его по всѣмъ лѣсамъ и рощамъ;
а народъ по деревьямъ и внизу, всѣ почти до
одного, какъ онъ заговоритъ, разиня ротъ
съ подобоспасшіемъ слушаютъ его. — Ну ужъ
было чего посмотрѣть! Ты смѣешься, не вѣ-
ринь мнѣ; но воля пивоя, я говорю что ви-
дѣлъ. А внизу, — я еще не рассказаль, — у-
мора! Тамъ вѣрно пѣ живутъ, копорымъ по
деревьямъ лазать не позволяють, родъ чернаго
народа. Тутъ совершенно свой міръ. Пред-
ставъ себѣ, кой-гдѣ подъ деревьями серьезные,
молчаливыя лица; сами не ѣдятъ яблокъ, а
собирають только ихъ и раскладываютъ по
кучкамъ да сортируютъ. Только тогда про-
блеснеть улыбка на мрачномъ лицѣ ихъ, когда
кто принесетъ имъ яблочко или сѣмячко изъ
какой нибудь дальней стороны. Случается, и
сами они поднимаются на путешествіа, оп-
ыскиваніа такихъ, по древности или опда-
ленности рѣдкихъ, яблокъ, сѣмячекъ, иногда и
шелухи, себелековъ, сучковъ яблонныхъ, что
попадется. Удивительная спрашь! — Другіе
сидятъ, обжавшись кучами яблокъ, и на пере-
ывъ другъ передъ дружкой кричатъ прохо-
дящимъ, предлагаютъ опкушать онъ повара
ихъ; ну точно какъ на ярмаркѣ. Другіе хо-
дятъ съ лопками на головѣ, и всякій свое и
на свой напѣвъ поетъ: »вопъ яблоки хороши!

вошъ наливныя, анисовыя, спиклянковыя! вошъ опшуда, опсюда, изъ за придевашн земель привезенныя! вошъ моченыя яблоки, хорошія моченыя! вошъ яблоки въ сахаръ вареныя! вошъ печеныя! вошъ поспила прекрасная! квась чудесный яблочный, чудесный квась! «... Такой шумъ, крикъ, спонъ полѣсу идетъ, что и у меня въ ушахъ бывало звенишь. Смѣйся, пожалуй, смѣйся! а сущая правда; ни слова не лгу.

Только наконецъ и невзгодѣ напало на бѣдныхъ пошребинелей яблокъ и на самыхъ даже продавцовъ. Передъ самымъ оплешомъ моимъ домой — смошрю: — одинъ чшо-то необычайно крѣпко морщишься спать; гляжу — руки и ноги въ движеніи, и — ужась было смопрѣшь — корчи приняли бѣдняжку; поси-нѣлъ весь, спонешъ, воешь..... глядь подлѣнего другой, вошъ претій, вошъ еще, и еще, и одинъ за другимъ сопшиями спали мучишься одними принадлеками. Чшо бы это значило? думалъ я; понять не могъ! Вошъ одинъ съ прескомъ сквозь сучья лепишь и бухъ — прямо объземъ! сердечный! вошъ другой, вошъ еще, еще, и съ самого верху, и съ середины, и нижніе и всѣ — такъ и валяшся какъ мухи! Ахъ бѣдняжки! я прослезлся онъ жалоспи. А Лѣшій, а Лѣшеняша, и какіе-то, какъ вороны черныя, духи чшоли, хлопочуть, бѣгаютъ, лепнають, сусняшся вокругъ мертвыхъ, и вдругъ, дуну чшоли подхвациятъ, и съ хохотомъ, съ гарканіемъ, карканіемъ все изъ лѣсу куда-то и бѣгутъ и лепяшъ. У меня сердце такъ и обмирало; я лепишь скорѣй, дальше, дальше онъ лѣсовъ эшнхъ, да домой, домой..... Уфъ! и онъ разсказа одного уснашь, и спрашно, и ужасно снало. А право, половинны не сказаль.«....

Тутъ я обнялъ Филина; благодарилъ его за интересное повѣствованіе и просилъ побольше мнѣ такихъ разсказовъ. Онъ еще кой-что разсказывалъ; но разсѣло; мы разошлись; онъ скрылся на день въ сосѣднюю баню, а я принялся писать. Черезъ нѣсколько ночей онъ успѣетъ опять повѣствовать. хопѣлъ слезать и въ Москву и въ Пешербургъ. Что-то увидитъ проказникъ? —

ОСТЪ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

ДРЕВНѢЙШЕЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ РЕВЕЛѢ.

(Изъ сообщенной записки.)

Въ Danemarkis Rigis Kronicke, оконченной Датскимъ Государственнымъ Канцлеромъ Випфельдомъ (Huitfeld) въ 1603. году и напечатанной въ Копенгагенѣ въ 1650. году на стр. 409. сказано:

Aar 1519 til Vordingborrig haffuer Kong Erich udgiffuet it Breff, at effterdi hos huert Stift bor at vaere en Hoffuetskole, da forbiuder haad Borgerne til Reffuel, at holde deris Born, eller andre fremmede deris, til nogen anden Pugeskoler der i Byen, men at soge den Skole hos vor Frue Kircke der i Byen, under 10. Marck Solff straff: de skal indleggis inden 14 Dage, 4 skal til Slottens Bygning, 3 til Kirckens, 3 til Byens Mur.

Т. е. Въ 1519. году въ Вордингборригъ Король Эрихъ издалъ повелѣніе, чіюбы при Эпископскомъ прешолѣ находилосъ главное

училище и запрѣщать гражданамъ Ревеля отдавать дѣтей въ скрытыя училища. И граждане были обязаны посылать дѣтей своихъ учиться въ училище при церкви во имя Пресв. Богородицы, (*) подѣ опасеніемъ десяти марокъ серебра пени въ случаѣ неисполненія сего, изъ коихъ четыре назначаются на строеніе замка, три для церкви и три для построенія городской спѣны. (**)

Винфельдъ не сообщаетъ слово въ слово повѣленія Королевскаго, а означаетъ только главное содержаніе его. Поэтому еще остается сомнительнымъ, былъ ли документъ сей граматою на основаніе училища при упоминаемой церкви, или просто, запрѣщеніе отдавать дѣтей въ какую либо другую школу подѣ опасеніемъ пени. Легко можетъ быть, что церковная школа сія уже и прежде существовала. Находясь ли гдѣ-нибудь въ Архивѣ Гевельскаго Ратгауза подлинникъ сей королевской граматы, не извѣстно; знаемъ только, что въ собраніи Привилегій нигдѣ не упоминается о немъ. Въ самомъ же Вышгородскомъ Училищѣ нѣтъ во все древняго архива о чешырехъ первыхъ столѣтіяхъ его существованія. Можетъ быть

(*) Нынѣ находящейся на Вышгородѣ, при которой нынѣ существуетъ Домское училище, пользующееся правами Гимназіи.

(**) Которую начали строить въ 1515, а тогда еще продолжали.

погибъ онъ во время пожаровъ, превращавшихъ нѣсколько разъ въ пепелъ весь Вышгородъ, или въ 1710. году по взятіи Ревеля Русскими, увезенъ вмѣстѣ со многими другими архивами на Шведскихъ корабляхъ въ Штокгольмъ.

О ГАДАНІЯХЪ РЕВЕЛЬСКИХЪ.

(Сообщено на Французскомъ.)

Беспрестанно слышу я, нападаютъ на суевѣріе; но безъ суевѣрія — что бы спало съ пожилыми женщинами и молодыми дѣвицами? что бы спало сомною самимъ, привыкшимъ безпокоиться, когда кошка начнетъ лизать дѣвую лапку прежде правой? И не суевѣріе ли объясняетъ мнѣ тысячи вещей съ помощію карпъ, пшицъ, пауковъ, яицъ и сновъ?

И такъ могу ли я по совѣсти осуждать невинныя покушенія Ревелянокъ, на канунъ каждаго Новаго года, узнать, выйдутъ ли онѣ замужъ или нѣтъ? Да и не оправдывается ли это любопытство чрезвычайнымъ недоспакомъ въ мущинахъ въ Ревелѣ, и вмѣстѣ желаніемъ, сколько естественнымъ, перейдши изъ состоянія дѣвицы въ состояніе жены?

Суевѣріе, столь обильное средствами проникать въ будущее, во всякой странѣ оказывается въ различныхъ обыкновеніяхъ, и самая

древнія изъ сихъ обыкновеній всегда болѣе всѣхъ уважаются.

Здѣсь, на пр., сколько ни прекрасны Ревелянки и сколько бы ни было имъ пріятно наблюдать красивыл личики свои, у нихъ недоспало бы перитѣія, просиживать цѣлые часы, уставивъ глаза на зеркало въ ожиданіи — не явился ли шамъ ихъ суженый. Поэтому онѣ охотно предоспаваютъ это средство шѣмъ, копорыя, одаренныя отъ природы правомъ избирать, увѣрены что не будутъ принуждены долго ожидать. Великому злу должно пособлять великими способами: такъ, испытавъ таинственную силу олова и личнаго бѣлка, выливасмыхъ въ воду, онѣ возвращаются всегда къ средству, по ихъ мнѣнію, самому рѣшительному и корешкому, — кладутъ на блюдо чепыре опрокинутыя чаши, изъ которыхъ одна покрываетъ песокъ, другая ключи, прешья куколку женскую, а чепвершалъ мужскую куколку. Окончивъ сіи приготовленія, гадательница ложится спать и по утру, только что проснется, должна открыть одну изъ сихъ чашекъ, но только одну. Если ей суждено несчастіе, открыть песокъ, судьба ея рѣшена смернь прекратить ея дни! Приведетъ ли ее судьба открыть женскую куколку и того хуже — — Откроетъ ли

она ключи, — счастье ей назначило быть полною хозяйкою дома. Наковецъ если попадется ей мужская куколка, — тогда бракъ ея съ любимою оубою не только рѣшенъ, но такъ рѣшенъ, что никакая сила земная не въ силахъ оизмѣнить сего рѣшенія; и, е, ежели она оидала кому-нибудь свое сердце, то ни какія разщепы не въ силахъ принудить ея измѣнить своему обѣту. И въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего обыкновеннаго, что она изъ совершенно мягкосердечной дѣвицы дѣлается непоколебимою Спаршанкою.

Еще пунктъ весьма занимательный для Ревелянокъ, и, е, будутъ ли онѣ повелѣвать въ хозяйствѣ или, слѣдуя спариному закону, должны будутъ повиноваться? но такъ какъ это вещь очень щекотливая, и также не прикосновенна, какъ каршочный замокъ, который однимъ легкимъ дуновеніемъ можетъ быть разрушенъ, то опять должно прибѣгать къ суевѣрію. Оно указываетъ средство не сомнѣнное, какъ можно рѣшительно узнать будущность. На канунъ Нового года, въ шамшвенный часъ полночи, надобно овладѣть пѣнухомъ и курицею. Чаша сія, принесенная въ хорошо освѣщенную комнату, необикновенно перепугается. Но такъ какъ всѣ вещаенія въ мірѣ имѣютъ свой предѣлъ, то одно изъ

двуногихъ созданій не замедлишь примѣнить, что на полу насыпаны зерна. Увидѣвъ это, одинъ изъ плѣнныхъ, кликомъ даетъ о томъ знать другому. Тутъ-то бьется сердце дѣвицы! увы! вся будущая судьба ея заключена въ сихъ двухъ животныхъ: Если пѣтухъ первый начнетъ клевать, прощай свобода! прощай сладостное удовольствіе — повелѣвать! необходимо должно низойти на степень подчиненной и покориться власти мужа! Но какъ будто чувствуетъ курица, сколько ужаснаго заключается въ сей гипотезѣ, — она спѣшитъ (рискуя даже лишиться нѣсколькихъ перьевъ) принять участіе въ пирѣ; и едва лишь успеетъ она наполнить клѣвъ, какъ побѣда при кликахъ радости вручаетъ дипломъ повелительницы будущей супругѣ, — драгоценность, которую она не промѣняетъ ни на самаго прекраснаго мужчину съ усами!

Впрочемъ должно признаться, что нѣтъ ничего приличнѣе ярма Ревелянки; и потому-то вѣрно онѣ и спремятся такъ къ приобретению права, котораго, увѣрены, никто не можетъ оспаривать у нихъ, не нарушая справедливости.

Эстонскій ошмельникъ.

ПИСЬМО къ ИЗДАТЕЛЮ.

М. Г. А. И.

Изувѣченъ будучи еще подѣ Требіей, на ординарцахъ у Суворова, засѣлъ я съ косынями своими въ здѣшнемъ городкѣ и, забывъ ученость и Литтературу, о которыхъ мимоходомъ слыхивалъ въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ я воспитанъ, ничего не чищаю, — уже лѣтъ шридцасть, кромѣ Каноника, Евангелія и Псалтири, да у здѣшняго Почтмейстера Инвалида, по почтовымъ днямъ. Тутъ давно встрѣчаю я Оппо Карловича Б....., Эспляндскаго дворянина, управляющаго однимъ большимъ имѣніемъ близко отсюда. — Добрый Нѣмецъ сей, за трубкой табаку и чашкой чаю, часто бесѣдуешь съ нами очень пріятно и занимательно; ибо онъ человѣкъ образованный, хорошо учившійся и много путешествовавшій съ пользою. Но у него есть одна слабость, свой конекъ, какъ и у всякаго человѣка; это его Эспляндія. Заговорите о чемъ вамъ угодно, напримѣръ: о Пекинѣ, — онъ непремѣнно привезетъ васъ и отсюда въ Ревель, Гапсаль, Вейсенштейнъ. А мы съ Почтмейстеромъ не очень сильны въ Географіи — и спашуемъ. — Вотъ нашъ Оппо Карловичъ и пошелъ проповѣдовать, что въ одной его Эспляндіи рай

земной; чпо шамъ полько живутъ люди порядочные; шамъ полько опцы сѣмействъ, вмѣсто чванства моношествомъ на щепъ заимодавцевъ, занимающа въ дѣревняхъ своихъ улучшеніемъ разныхъ опраслей сельскаго хозяйства для сбереженія имуществъ на приданое дочерямъ и содержаніе сыновей въ службѣ царской. Тамъ полько жены не спыдающа хлопотанъ о вѣхъ подробностяхъ домашняго быта, кормить, сами воспитывающа и учить дѣтей своихъ. Тамъ полько, по словамъ его, пекунъ рѣки молокомъ и медомъ, — Досадно намъ бывающъ съ Починмейстеромъ, чпо неспы онъ шакую невѣроподобную гиль; а оспорищъ нечѣмъ поному полько, чпо учены на мѣдныя денежки. — Боже я однакоже вспомнивъ старинную удачу, повелъ на него вчера ашаку наудачу — Послушай-ко почтеннѣйшій Опшо Карловичъ, славны швы бубны за горами; ну чпо за земля швы Эспандія; я еще опправлялся въ Ипалію, съ Павловскимъ Гренадерскимъ полкомъ, слыхивалъ объ ней, — шакая-же нѣмчина, какъ и Германія, въ которой мы чуть-было не перемерли съ голоду опъ шго, чпо ни кпо не понималъ насъ; говорищъ бывало - кажется - по Русски, — а они глядящъ разицувъ ронъ. — Чуть я вымолвилъ это, какъ добрый мой Опшо, бросивъ

трубку, покраснѣвъ какъ ракъ подбѣжалъ ко мнѣ. — Нѣтъ Климъ Федуловичъ, этого ужъ я не стерплю, мы въ Эспляндіи настоящіе Русскіе; любимъ славное опечеснво наше не меньше васъ, преданы всею душою великимъ Самодежцамъ нашимъ, посылаемъ на службу Ихъ цвѣтъ нашего юношества, и — гордимся этими чувствами. — Языкъ Русскій дѣлается у насъ общимъ. Старые войны и моряки наши, израненные въ рядахъ вашихъ, пребываютъ, чтобы дѣти ихъ выучились говорить такъ же твердо какъ они говаривали: — впередъ ребята! — умремъ за Бога и царя! — Ну полно, полно Оппю Карловичъ, ужъ шы кажется и въ шыпыки гошновъ приударить! — Пардонъ! — хонъ я до этого слова не очень охотникъ, да ужъ для сохраненія швоей пріязни вышмолвилъ. — И бштва кончилась, раненныхъ и убитыхъ не было; поле сраженія оснчалось за Оппю Карловичемъ; а я (чтобы не сказать опрешировался) опшнянулся къ линіи своихъ запасовъ. — Велѣлъ составить изъ нихъ ужинъ, легъ въ постель и заснулъ нашу бштву, такъ исправно, что черезъ недѣлю, пусясь въ Почтовую Кантору, и не думалъ ужъ объ ней. — Но видно изъ окна примѣнили, что иду на дворъ, потому, что только опворилъ я дверь, какъ мой Оп-

то Карловичъ споймъ уже на порогъ, держа въ обѣихъ поднятыхъ рукахъ, бѣленькую книжку. — Спойте Климъ Федуловичъ, возопилъ онъ, надѣвайте очки и — сдавайтесь! — Какъ, сдаваться! — ни за что! — Надѣвайте очки! — увидите, что обойдены, окружены — сдавайтесь! — Вотъ я выпацилъ очки, выперъ ихъ, надѣлъ, поднялъ голову и чишаю: Радуга — журналъ Философiи, Педагогiи и Изящной Литтературы, и проч..... Чпо за-видо? — Я думалъ, чпо тамъ Русскаго духа слыхомъ не слыхивано; а тамъ и Русскiй Журналъ издаеся, и — Нѣмецъ пишеть по Русски. — Подлинно я былъ пораженъ какъ громомъ: и весело было это видѣшь, и не хопѣлось топчасъ сдаться. — Ну вижу, чпо Русскiй Журналъ, да надобно еще прочесть; — мало ли Журналовъ; иныхъ лучше, чпобъ и не было. Надобно знашь, споймъ ли этопъ Журналъ вашей радости. — Пожалуйте-ко я покажу знапоку и принесу вамъ его заключенiе. — Дѣло, Климъ Федуловичъ, извольте; мы и сами съ Г. Почтмейстеромъ рады, чпобъ кпо-нибудь поученiе насъ оцѣнилъ это новое явленiе.

Надобно сказать, чпо въ маленькомъ городишкѣ нашемъ знапокъ-то естъ, Философъ наспоющiй; но тяжелой на-подъемъ, не хвасп-

ливый, не рѣзкій, не говорунъ, — поглядѣвъ на него, мѣшокъ мѣшкомъ. Онъ занимася мѣсно шпашаго Смотрителя въ одномъ изъ маленькихъ Училищъ; умница великая, да только по Христіански, спариннаго воспитанія, послѣднихъ годовъ Мипрополипа Плашна. — Вопъ я къ нему — онъ прочелъ заглавіе, нахмураясь пересмотрѣлъ оглавленіе — и лице его разгулялось. — Благодарю, Климъ Федуловичъ, оспавъ прочеся. — Я оставилъ; и чрезъ недѣлю онъ входилъ ко мнѣ съ книжкой, — ну ужъ одолжилъ пріятель; Журналецъ по-сердцу мнѣ, да и болѣе скажу — заспавилъ онъ меня пораздуматься. Въ Нѣмецкой провинціи, Нѣмецкаго Издашеля, да Русскаго духа. — Вопъ до чего мы дожили; между шѣмъ, какъ наши-по пописываютъ Русскими липшерами по Нѣмецки да по Французски, Нѣмцы, ., ., слогомъ заговорили съ нами по Русски; да еще объ чемъ же? — упрекаютъ, что мы обезьянски переняли у Нѣмцевъ и Французовъ вредный образъ мыслей, и уговариваютъ ворошиться къ святой спаринѣ нашей. — Ай-да Эспляндцы! — молодцы! — Вопъ такъ-по было, любезнѣйшій Климъ Федуловичъ, съ Израильшянами, когда они забыли своего Бога. Онъ ихъ бросилъ; усыновилъ себѣ другія Народы, и Царс-

нво Свос имъ опдалъ. Народъ избранный
впалъ во мракъ; а новые наследники Свѣта,
спали учинъ его. —

Что мнѣ теперь дѣлать, думалъ я, слуша-
ющая; какъ сладить съ Опшо Карловичемъ,
чтобъ выпорговать у него миръ непосыд-
ный? — Пошались къ нему на-домъ. Онъ
сидитъ съ трубкой, подпершись лѣвою рукой;
поклонился мнѣ довольно гордо, и сказалъ, улыбаясь:
Что пріятель, какая вѣсточка опъ Оракула? —
Повинной головы мечъ не съчешь, Опшо Карловичъ,
прошу вѣчнаго мира! — Хорошо. — Плохой миръ
лучше доброй войны; но вопъ условіе: *sine qua non*,
по еспъ, непремѣнно; — Описать все наше побоище
и поржесство мое, съ Ревельскимъ Журналомъ
въ рукъ, Издашело его. — Я согласился очень
охотно на умѣренное пребываніе побѣдителя,
и, съ удовольствіемъ его исполняю.

Ваша искреннѣйшій почитатель,

Климъ Правдобаевскій.

Отставной Мажоръ, живущій въ Симбир-
ской Губерніи.

Нѣкоторыя поправки.

Должно читать: стр. 2, стр. 14 — перечисляемъ; 32, 12 — отправленною; 33, 25 — философскихъ; 39, 28 — положительное; 53, 17 — по вмѣсто оп; 57, 6, — совмѣстникъ; 61, 15 — возносимыя; 71, 22 — Alighieri; 109, 2 — прописывалась; 112, 34 и 35 — Вотъ самъ на двонцѣ и пр.; 137 въ заглавіи — Философскаго; 169, 5 — починаемъ; 169, 32 — мира; 181, 20 — была. Прочія поправки, на пр. мѣсахъ въ двухъ вѣтвѣ, въ одн.: мѣта, въ трехъ: десница; въ нѣк. ѣ вѣ. ѣ и наоборотъ и мл. ш. п. — менѣе важны. —

Издатель проситъ у благосклонныхъ Читателей извиненія за многочисленныя опечатки и обѣщаетъ быть рачительнѣе. Безъ сомнѣнія, если бы захотѣлъ оправдываться, то можно бы найти оправданія: время ограничено; въ глазахъ иногда зарѣбится отъ корректуръ (которыя онъ долженъ самъ держать) типографія не Русская, а Нѣмецкая, и только что недавно начала становиться и Русскою; буквъ въ ней при печатаніи первыхъ книжекъ было очень мало, такъ, что однажды должно было сдѣлать опечатку за недостаткомъ одного большаго Ф, и не разъ должно было опминать ножки у добра (д), чтобы выходили люди (л); и пр. и. пр.: но такія оправданія не оправдываютъ; — взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. — Впрочемъ теперь часны и сны оправданій не будешь, поному, что типографія во время печатанія 4. кн. приобрѣла побольше буквъ. —

Имена подписавшихся мѣсцъ и особъ.

До 19. Марша (пропускъ въ 3. кн.)

Въ Онегѣ: Г. Директ. Лѣси. торго Молчановъ.

До 3. Маія.

Въ Ревелѣ: Его Пр. Г. Генераль-Лейтенантъ Л. В. Спарьевъ; Дворянскій Клубъ.

Въ Стародубѣ: Г. Шиб. Ротм. Миклашевскій.

Въ Тулѣ: Г. Колл. Ас. Хрущовъ.

Въ Варшавѣ: Г. Инж. Подп. Герстфельдъ.

Въ Иркутскѣ: Нензв.

Сверхъ того въ слѣдствіе предложенія Его Святлости Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Господамъ Попечителямъ о подпискѣ Гимназій и Уѣздныхъ Училищъ на Радугу, требовали:

Дирекція Учил. въ Вологдѣ, 2 экз.; Уѣзд. Уч. въ М. Холмогнѣнцахъ Минск. Губ; Уѣздн. Уч. въ Петрозаводскѣ; Уѣздное Уч. въ Ганччинѣ; Уѣздн. Уч. въ Царск. Селѣ. —

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 30. April 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

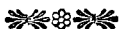
Regierungs-Assessor Baron v. Rosen.
in Abwesenheit des Censors.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
Что Изящное?	219
5ый Опломокъ отъ Философскаго Мозанка:	
Особенный Характеръ Европейскаго Духа времени	231
Письмо къ Издашело	242
4ый Опломокъ отъ Философскаго Мозанка:—	
Выписка изъ втораго пропокола обсерваторіи села Спасскаго . . .	243
Анна Маргарета Цванцигеръ	254
Германъ и Маргарета	271
Изъ переписки Жан-Поля Фридриха Рихтера съ Христіаномъ Ошпо, продол.	275
Двѣ Обезьяны . . .	287
Къ лиръ . . .	287
Изъ Исторіи воспитанія . . .	287
Осколки отъ Философскаго Мозанка:	
1. Изъ какого-то Философа . . .	294
2. Кеплеръ . . .	296
3. Науки и Христіанство . . .	296
Umwelt und die Girsterne Шуберта . . .	297
Еще о Стефенсѣ . . .	298
Последнее образцовое произведеніе Гёте . . .	299
Чтенія въ Берлинскомъ Университетѣ . . .	299
Яблоки познанія добра и зла . . .	305

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
Древнѣйшее Училище въ Ревелѣ . . .	49
О Гаданіяхъ Ревельскихъ . . .	51
Письмо къ Издашело . . .	55

Журнала сего выходитъ ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 5хъ до 6и и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревелѣ 20, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 24 рубля асс. Для Училищъ цѣна 18 р. асс., съ перес.; серебро считается по установленному курсу. — Въ Москвѣ подписка принимается въ Газетной Экспедиціи и въ Конторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Изящнородные благоволятъ адресоваться также на имя издашела Андр. Ив. Бюргера въ Ревелѣ. —